

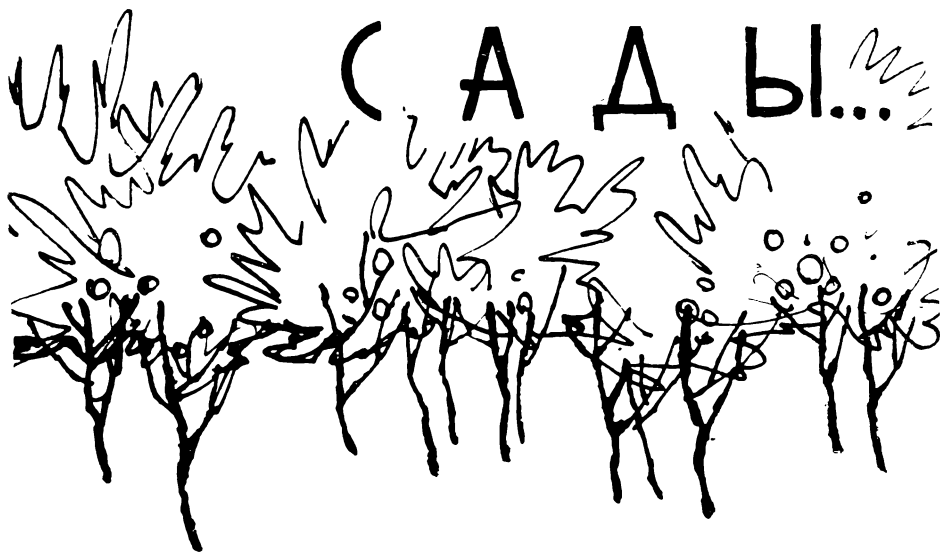
М. БАХШИЕВ

АШУМЯТ
САДЫ..

М. БАХШИЕВ

} АШУМЯТ

(А Д Ы...

О Ч Е Р К И

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА — 1962

АННОТАЦИЯ

Книга одного из выдающихся дагестанских писателей и журналистов М. Ю. Бахшиева «Зашумят сады...» содержит пять очерков: «Переселенцы», «Зашумят сады черешневые», «Искатель», «Гюльбоор», «Параульские маяки».

Все эти очерки посвящены жизни и деятельности наших современников-дагестанцев, людям, борющимся за дальнейшее процветание социалистической Родины. Среди них — председатель передового колхоза имени Карла Маркса сел. Куруш Хасавюртовского района Сейфутдин Кулиев, кандидат сельскохозяйственных наук Анна Семеновна Покровская, ахтынский садовод-новатор Гаджимурад Клинджев, дербентский виноградарь Герой Социалистического Труда Гюльбоор Давыдова и другие.

Автор очерков стремится к жизненной достоверности, художественному и в то же время правдивому и точному изображению людей и событий.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Не сказка — был

С тех пор, как курушцы переселились с заоблачных высот Докузпаринского района на равнинные земли, мне пришлось несколько раз побывать в колхозе имени К. Маркса. И каждый раз случалось так, что Сейфутдина Кулиева, председателя колхоза, я не заставал дома. Так случилось и на этот раз.

— Эй, кунак,— сказал старый лезгин, приветливо встретивший меня в правлении колхоза,— разве нашего Сейфутдина дома застанешь! Он у нас непоседа, всю свою жизнь на ногах проводит.

— Говорят, что даже мать родила его в пути,— добавил другой старик.— Да, да, не смейтесь, это не сказка, это было...

Об этом случае рассказывают так. Однажды весной (было это в конце прошлого века) чабаны крупного курушского барановода перегоняли отары овец с зимних пастбищ Азербайджана в дагестанские горы. Был среди чабанов и потомственный курушский батрак Рамазан.

У Рамазана в ауле не было ни земли, ни дома. И вынужден был чабан брать с собой зимой в далекие степи, а летом на высокогорные луга, молодую жену — Бике.

...Шли отары по скотопрогонным дорогам в горы, шли за отарами чабаны в широких бурках и высоких лохматых папахах, подгоняя ленивых овец ярлыгами. А впереди ехали верхом женщины и несколько мужчин, сопровождавших вьючных лошадей.

Чинно сидела на лошади Бике, молодая жена Рамазана. Она была беременна и временами ей становилось плохо. Хотелось об этом сказать ехавшей рядом пожилой женщине, но как скажешь, когда вблизи мужчины! Так ехали несколько дней, а ночами, когда делали привал и женщины укладывались спать где-либо в ущелье, Бике тихо шептала пожилой женщине о том, что её так сильно беспокоило в пути.

— Аллах поможет, дочка, всё будет хорошо,— успокаивала спутница.

Через несколько дней Бике стало совсем плохо. От нестерпимой боли она закричала. Соседка, быстро подхватив Бике, сделала знак мужчинам, чтобы те отъехали подальше. Здесь, в пути с зимних пастбищ на летние, и родился нынешний председатель колхоза имени К. Маркса Сейфутдин Кулиев.

— С тех пор наш Сейфутдин в движении, в пути,— заключил старый лезгин.— Он мало бывает в конторе. Его скорее всего найдешь в поле, на виноградниках, на ферме или где-нибудь на стройке. А этих строек, слава аллаху, теперь у нас много...

Потом, прищурив карие глаза, старик сказал:

— Но вы не беспокойтесь, кунак, он к вечеру будет здесь. А лучше всего, если вы хотите его застать, пойдите к нему рано утром домой. Это вернее будет. А сегодня будьте моим гостем... не стесняйтесь...

Первая встреча

Раннее майское утро. Над новым Курушем только что занялась заря, а на главной улице селения уже началось движение. К хозяйственному двору колхоза группами подходили люди.

— Вот и председатель здесь,— сказал мой гостеприимный хозяин.

Среди мужчин выделялся довольно высокий, немного сутуловатый человек. Несмотря на наступившее тепло, он всё еще носил пальто, шапку-ушанку и сапоги.

— Сабах ийл, Сейфутдин! — поздоровался мой хозяин, — кунака тебе привел.

Кулиев молча протянул мне руку. У него было смуглое лицо, большие глаза под густыми кустистыми бровями смотрели прямо. Казалось, он на что-то сердился.

Некоторое время Кулиев продолжал разговаривать с окружившими его людьми, будто нас совсем и не было здесь. «Видно, — подумал я, — он чем-то очень озабочен...»

— Я вам нужен? — спросил вдруг Кулиев. — Только извините: я очень занят, должен ехать в бригады.

Шофер подал машину.

— Если не возражаете, и я с вами поеду.

— Милости прошу, в машине места хватит.

Только теперь я заметил добрую улыбку на его лице. Кулиев открыл дверцу.

— Садись, гардаш! — просто сказал Кулиев.

На сиденье машины Кулиев подобрал несколько кем-то рассыпанных семечек:

— С удовольствием пощелкал бы, — сказал он, — да зубы плохие.

У него не хватало нескольких передних зубов.

— Почему же не вставьте их?

— Не хочу. — Он сердито взглянул на старика, который улыбнулся, когда зашел разговор о зубах.

История с зубами

...Это было в 1953 году. Шел второй год с тех пор, как курушцы переселились с гор. Жили еще в землянках, но уже начали строить дома, школу, разводить сады и виноградники, налаживать большое хозяйство в непривычных условиях кумыкской степи.

Из газет Кулиев узнал, что по соседству, в Ставропольском крае, есть колхоз «Страна Советов», где разводят мериносовых овец породы кавказская рамбулье, и что каждая такая овца дает по семь килограммов шерсти.

Подсчитал Кулиев, какую выгоду получит колхоз,

если заменит грубошерстных овец мериносовыми, и посоветовался с членами правления. Хотя кое-кто и сомневался, большинство решило направить председателя в передовой колхоз для покупки нескольких сот мериносовых овец. Своих же овец решено было продать.

Гостеприимно встретили Кулиева в колхозе «Страна Советов», показали ему хозяйство, поделились опытом, но удовлетворить главную просьбу горца не могли.

— Поздновато вы приехали, товарищ,— заявил ему председатель колхоза «Страны Советов»,— для продажи остались одни бракованные овцы. Если устраивает, берите.

Посмотрел Кулиев на животных, помрачнел. Одни были худые, другие хромые, третьи без зубов.

— Ай-ай-ай, каких вы мне предлагаете овец,— сказал председателю Кулиев.— Это своему соседу!

А тот отвечал:

— Рад бы помочь, но понимаете, опоздали. Приезжайте в будущем году.

Разве мог Кулиев ждать год! Он хотел в нынешнем году, сейчас же, иметь в своём колхозе мериносовых овец. Давно мечтал Кулиев о замене грубошерстных овец тонкорунными. Еще в 1932 году, будучи председателем первого в высокогорном Куруше колхоза, Сейфутдин увлекался разведением мериносовых овец и приобрел тогда для колхоза четырех овец породы кавказская рамбулье, а в 1933 году приобрел еще 40 овец.

В те годы мериносы в горном колхозе не получили широкого признания.

Теперь, когда появились новые возможности, Кулиев хотел непременно осуществить свою давнюю мечту.

— Ладно, была не была, возьму! — решил Кулиев.

Вскоре на зимние пастбища пригнали беззубых овец, и чабаны неохотно приняли их.

— Ва-ай, Сейфутдин,— говорили они,— как ты мог обмануться?!

Знал Кулиев, что будет много разговоров о беззубых овцах, знал, что будут недовольные, но это не остановило его. «Поживем, увидим!» — говорил он про себя. И случилось так, что на долю курушцев и их председателя выпало большое испытание. Зима пришла суровая, снежная, а колхоз не успел построить помещения для скота. Не хватало воды. Тревожные вести стали посту-

пать с кутанов, и Кулиев решил, что его место в это тяжелое время там, где сосредоточено основное богатство колхоза.

Чабаны встретили председателя холодно. Зимним вечером, рассевшись вокруг очага, они молча слушали Кулиева.

— Я приехал сюда, чтобы жить с вами и помочь вам,— сказал он.— Нам надо любой ценой сохранить поголовье!

Кулиев посмотрел на угрюмые лица чабанов и спросил:

— Ну, как, по-вашему, сможем уберечь от гибели овец?

Наступила тишина, никто не отвечал ни «да», ни «нет».

— Эх, Сейфутдин-халу,— вздохнул один чабан.— Язык в теплом месте находится.

Кулиев вздрогнул, но не ответил. Он даже не посмотрел на того, кто бросил эти слова в его адрес. Пока он собирался с мыслями, поднялся семидесятилетний чабан Пелег Нагметов.

— Ты, Сейфутдин, не обращай на него внимания,— сказал старик.— Молод он еще и глуп к тому же. Ты нас спрашиваешь, можем ли мы уберечь от гибели овец! Даже смешно слышать эти слова из уст потомственного чабана. Да ты разве не слыхал, как говорили раньше: пока хозяин жив, не может погибнуть скот. Я кто, по-твоему, хозяин или наёмный батрак? Овцы наши, колхозные, и мы обязаны спасти их! За свою отару я отвечаю.

Тогда вскочил с места Бейбут Джафаров:

— А я что, хуже тебя, Пелег-халу!— рассердился Бейбут.— Хоть ты и опытный, много видел на своём веку, но и я умею работать!

Вслед за Джафаровым выступили и другие чабаны.

— Пока мы живы, будут целы и отары,— говорили они.

Кулиев повеселел.

— Спасибо, друзья,— ответил он.— Будем вместе беречь колхозное добро.

А сколько разговоров было в эту зиму в Куруше! Люди с нетерпением ждали окончания зимовки,

а любители посмеяться говорили, что Кулиев поехал на кутаны зубы вставлять овцам.

Случилось так, что Кулиев сильно заболел на кутане, у него воспалились десны и выпало много зубов. Об этом узнали в Куруше и стали сочинять анекдоты. Но как бы неблагожелатели ни острили, Сейфутдин не поддался.

Сколотив дружный коллектив чабанов, Кулиев организовал образцовый уход за отарами. И вот результат: всё поголовье полностью сохранено и на каждые 100 овцематок получено по 115 ягнят. Через некоторое время старых, беззубых овец колхоз сдал на мясо.

— Теперь у нас в колхозе 14 000 мериносов,— говорит Кулиев.— Ежегодно получаем от овцеводства около трех миллионов рублей дохода.

— А зубы всё же тебе надо вставить, Сейфутдин,— хитро улыбнулся старик.

Сейфутдин засмеялся.

Руки моют перед едой...

Мы ехали по асфальтированной дороге и внимательно оглядывали виноградники, которым будто не было конца и края. Кусты уже большие, зеленые, поднятые на шпалеры. Казалось, что это не новые плантации, а старые виноградники, уже много лет дающие урожай.

— Если вы бывали в этих местах пять-шесть лет назад,— сказал Кулиев,— должны знать: здесь была голая степь. Ветер сушил всё вокруг. А теперь, как видите, сады и виноградники. Около пятисот гектаров виноградников будет у нас нынче, а к концу семилетия свыше 800 гектаров, да садов фруктовых 500 с лишним гектаров... Вот так, гардаш.

Когда Кулиев бывал в хорошем настроении, он часто произносил слово «гардаш», что означает «брат». С этим же словом он обратился к шоферу:

— Эй, гардаш, заверни налево, посмотрим, что делают наши садоводы.

Но к садоводам подъехать мы не смогли, путь преграждал оросительный канал, а моста не было.

— Вот как ты принимаешь кунаков,— пошутил Ку-

лиев, обращаясь к бригадиру Гарибу Мамедову,— придется оставить машину.

Вместо моста через канал было перекинута бревно, по которому переходили колхозники. К моему удивлению, Кулиев, словно юноша, легко перебрался на противоположную сторону.

— Смотри, не упади, гардаш,— пошутил Кулиев,— а то придется отвечать за тебя.

На зеленой лужайке, рядом с оросительным каналом, завтракали молодые колхозники.

— Покушайте с нами, Сейфутдин-халу,— сказал один из них.

— Что же, угостите, пожалуй,— сказал Кулиев,— я тоже есть хочу...

Простота председателя располагала к нему людей. Молодые садоводы подали ему тонкий лезгинский чурек и мягкий горский сыр. Положив сыр на чурек, откусив на ходу, Кулиев направился в вишневый сад. Он любовно дотронулся до ветки, на которой появились первые плоды, окинул взором междурядья, нагнулся к земле и сорвал пучок сорной травы, глушившей люцерну. Заметив, что на участке, засеянном люцерной, внесена подкормка, Кулиев повернулся к бригадиру:

— Гариб, ты, когда обедаешь, руки моешь? —

Бригадир смутился, не понимая, к чему клонит председатель. Он побагровел и когда посмотрел на молодых колхозников, заметил на их лицах улыбку.

— Я не пойму тебя, Сейфутдин-халу,— ответил Гариб,— к чему здесь мои руки, обед? Конечно, мою!

— Гм, непонятно тебе,— усмехнулся Кулиев,— ну, моешь руки перед обедом или после?

Гариб обиделся. Он оглянулся, бросил строгий взгляд на молодых членов своей бригады и, обратившись к Кулиеву, сказал:

— Сейфутдин-халу, что от меня хочешь, даже моя маленькая дочка знает, что руки следует мыть перед едой...

— Ага,— засмеялся Кулиев,— правильно. Я бы еще сказал: сначала надо ногти чистить, потом мыть руки, а потом покушать. Правду говорю?

— Да,— ответил бригадир,— но к чему здесь этот разговор?

— Э-э-э, не дошло до него,— сказал Кулиев.— Видно

я плохой воспитатель. Он взял бригадира за руку, потянул к себе.

— Это что, сорняк или нет?

— Сорняк.

— Почему не убрали?

— Уберем скоро.

— Скоро,— усмехнулся председатель.— После того, как подкормили люцерну? А не лучше ли было сначала убрать сорняк, а потом внести удобрение?

Мамедов виновато опустил голову. Только теперь бригадир догадался, почему Кулиев спрашивал, когда он моет руки.

— Понял, гардаш? — сказал Кулиев.

— Извини, халу, бывает...

Сейфутдин кивнул головой и, доедая кусок чурека с сыром, зашагал в глубь сада. Он шел по междурядьям, осматривая каждое дерево, и тихо говорил сам с собой: «Эх, если бы все люди работали с полным сознанием долга, как бы мы уже далеко ушли!»

Вдруг он остановился.

— Не отставай, гардаш,— сказал Кулиев мне.— У нас еще сегодня много дел.

Несмотря на свои шестьдесят два года, Кулиев шел очень быстро, оставляя позади даже молодых бригадиров и звеньевых.

Разница в десять лет

Любопытная история произошла с датой рождения Кулиева.

Старый лезгин, поведавший мне историю рождения Кулиева, уточнил, что это было весной тысяча восемьсот девяносто восьмого года.

Как-то, беседуя с Кулиевым, я записал эту дату в свой блокнот.

— Обожди, гардаш,— протянул руку Кулиев.— Не пиши так, дорогой.

— Почему?

— Если хочешь записать дату моего рождения, пиши 1908 год.

— Не понимаю,— заметил я.

— Зато мне понятно,— Сейфутдин засмеялся. Потом серьезно посмотрел на меня, и сказал:

— Нельзя, гардаш, а то будет расхождение с документами. Не понял?

Он достал из кармана документы и протянул мне.

— Вот, посмотри, 1908 год.

— Как же это получилось?

Кулиев рассказал такую историю. Шел 1930 год. Жил тогда Сейфутдин в старом Куруше, работал в хозяйстве местного кулака. Колхозов в то время в горах еще не было, а своего хозяйства Кулиев никогда не имел. После смерти отца, в 1914 году, Сейфутдин ушел из Куруша, долго скитался по дорогам Азербайджана, батрачил у виноградарей кубинского уезда, чабанил у дагестанских барановодов, отары которых находились в азербайджанских степях. После Октябрьской революции Кулиев работал на строительстве дорог и нефтепровода, учился на курсах дорожных мастеров, а потом вернулся в родной аул, к своей матери.

— Будет тебе скитаться, сынок,— говорила истосковавшаяся по сыну Бике...— Оставайся в ауле, найдется тебе и здесь дело.

А дело могло найтись здесь пока только одно, и Сейфутдин нанялся к кулаку. Вдруг Сейфутдин узнал, что идет очередной призыв в Красную Армию. «Ва,— подумал Сейфутдин,— почему бы мне не пойти в армию». Но его огорчили товарищи.

— Нынче призывается 1908 год,— сказали ему.

Недолго думая, Сейфутдин порвал свой паспорт, угорил двух стариков быть свидетелями и получил в сельском Совете справку о том, что Сейфутдин Кулиев родился в 1908 году.

Перед тем как предстать перед призывной комиссией, Кулиев тщательно побрился, одел единственную новую рубашку, латанные, но чистые полосатые брюки из хлопчатобумажной ткани, начистил до блеска изрядно поношенные сапоги.

— Сынок,— обратилась мать к Сейфутдину,— я не слышала, чтобы сегодня в ауле играли чью-нибудь свадьбу. Куда же ты это нарядился?

— Потом узнаешь, мама, потом.

Сейфутдин обнял мать, поцеловал ее и выбежал на улицу. В военкомате Сейфутдина встретили приветливо,

зачислили в список призывников, назначили на медицинское освидетельствование. Каково же было удивление Кулиева, когда врачи признали его негодным!

— Я здоров, как верблюд,— запротестовал Кулиев,— а вы считаете меня негодным.

Врач спокойно ответил:

— Сердце у вас больное. Лечиться надо, молодой человек, лечиться.

Кулиев приуныл. «Ай-ай-ай, зачем надо было мне рвать свой паспорт,— говорил он про себя,— теперь я буду считаться моложе на 10 лет...»

«Дитя не плачет, мать не понимает»

Был полдень, когда Кулиев, побывав в садоводческой и виноградарской бригадах, возвращался в селение. Машина шла по ровной тенистой улице, застроенной аккуратными белыми домами.

На площади, у Дворца культуры, были установлены громкоговорители. Над Курушем лилась дагестанская мелодия.

— Правда, не скучно у нас? — с гордостью произнес Сейфутдин.— Колхоз имеет свой радиоузел, электростанцию, Дворец культуры, две библиотеки...

В это время шофер повернул руль машины, чтобы выехать на главную улицу.

— Останови, гардаш,— сказал Сейфутдин,— или ты думаешь, что нам не хочется есть?

Не успели мы открыть калитку и войти во двор, как Кулиев крикнул:

— Тамара, ты будешь нас сегодня кормить?

Во дворе, около печки, по-кавказски сидела плотная женщина с типично русским лицом и пекла тонкие лезгинские чуреки. Приподнявшись, она поклонилась мне, потом с милой улыбкой ответила на лезгинском языке:

— Дитя не плачет, мать не понимает.

— Так я же не дитя, а муж,— ответил Кулиев и, повернувшись ко мне, сказал: — вы слышите, это она говорит дагестанскому джигиту!

И громко засмеялся.

Б: П — Приглашай гостей в дом,— теперь уже по-русски сказала Тамара Георгиевна,— сейчас я приду. А вообще

тебя следовало бы проучить, чтобы другой раз не уходил из дому, не позавтракав.

Обратившись к нам, она добавила:

— Вы понимаете, каждый день одно и то же — встает на заре, бежит в контору, а то и в поле. Хотя бы стакан чаю выпил.

Кулиев виновато смотрел на жену и терпеливо слушал ее замечания. Наконец, зажмурив глаза, он сказал:

— Хватит, еруш, ты уже двадцать пять лет меня учишь, давай лучше обедать. Ты же знаешь дагестанскую поговорку: чем хабар, хинкал лучше.

Но Тамара Георгиевна подала не хинкал, а искусно приготовленный лезгинский бозбаш.

— Вот какая у меня жена,— гордо произнес Сейфутдин,— всё может делать: готовит русские и лезгинские блюда, даже азербайджанские, она хорошая мастерица и по шелководству...

— И по птицеводству,— перебила Тамара Георгиевна, громко рассмеявшись. Засмеялся и Кулиев.

— Опять вспомнила,— сказал Сейфутдин.

— Да, не забыла.

Тамара Георгиевна рассказала об одном любопытном случае, который произошел несколько лет назад.

...Это было в 1953 году. Переселенцы только-только налаживали своё хозяйство. Вместе со всеми колхозницами трудилась и жена председателя. Она работала тогда на птицеферме. Вырастила в этот год Тамара Георгиевна 400 цыплят. Не выжили из них только 22. Приехал Кулиев на ферму, составил акт и предложил жене принести из дому недостающих цыплят.

— Что с тобой, Сейфутдин? — возмутилась Тамара Георгиевна.— Может же быть отход...

— У жены председателя никакого отхода не должно быть. Принеси из дома недостающих цыплят! И баста!

Сколько ни пытались уговорить Кулиева члены правления, работники фермы, ничего не вышло. И принесла Тамара Георгиевна на ферму двадцать два цыпленка из дому.

Несмотря на выслушав рассказ жены, Кулиев вздохнул:

— Эй, кунак, садись за стол, нам с тобой сегодня еще много придется ходить. Когда курсак пустой, ноги не слушаются.

В это время в дверь постучали, и в комнату вошел молодой колхозник.

— Сейфутдин-халу,—сказал он,—ребенка срочно надо в Хасавюртовскую больницу отвезти, помоги.

Подумав, Кулиев решил:

— Везите на легковой, да не задерживайтесь.

— Ай, спасибо, халу, желаю тебе здоровья...

— Мне тоже надо в Хасавюрт,—сказала Тамара Георгиевна, когда вышел колхозник.— Может быть поехать вместе с ним?

— Нет, нельзя,—ответил Кулиев.

— Почему?

— Хочешь ехать, выйди на шоссе, садись в автобус и поезжай.

Обиженная Тамара Георгиевна уже не смотрела на мужа. Обернувшись к нам, она сказала:

— Всем можно ездить на его машине, только не мне.

— Машина не моя,—заметил Кулиев,—колхозная.

Взгляд в будущее

У хозяйственного двора колхоза Кулиев окликнул невысокого молодого человека.

— Яда, эй, Загир!

— Слушаю вас, Сейфутдин-халу.

Молодой человек подошел к председателю, и Кулиев представил его нам.

— Это наш техник Гаджиев,—сказал он,—руководитель строительной бригады. Как идет, Загир, работа на площадке?

— Строители работают, Сейфутдин-халу,—ответил Гаджиев.—Хорошо, если бы и самосвал еще нам дали. Гравий надо возить.

— Самосвал, говоришь, и больше ничего не надо?

— Не надо. Если нужно будет, я скажу.

— Хорошо, гардаш, дадим самосвал. А пока пойдем посмотрим, что делается на площадке.

В двух километрах от селения, недалеко от шоссе Хасавюрт—Бабаюрт, работала строительная бригада колхоза.

— Вот строим школу-интернат,—сказал Кулиев.— А рядом свыше двадцати гектаров отводим под школь-

ный сад. Целый учебно-производственный комбинат здесь будет.

Разговаривая с нами, Кулиев не сводил глаз со строителей. Несколько человек засыпало гравием траншею, вырытую под фундамент для каменного забора. К ним в это время подошла машина и стала сваливать гравий. Кулиев, прервав разговор, подбежал к машине.

— Яда, постой! — крикнул он, подняв руку.

— Беспокойный наш Сейфутдин-халу,— покачал головой молодой прораб.

Кулиев распорядился, чтоб строители равномерно сыпали гравий в траншею.

— Вот так, вот так,— показал он, орудуя лопатой.

— Мы вкладываем в это дело шесть миллионов рублей. Большие средства, сами знаете. Это трудовые, народные деньги. И если мы с вами будем плохо строить, то нас не похвалят...

О строительстве школы-интерната в эти дни Кулиев много думал. «Из-за этой стройки я имел большие неприятности,— говорил он.— Теперь только надо довести до конца начатое дело».

В чем заключались эти неприятности, мы так и не узнали от Сейфутдина. О них рассказали нам колхозники.

...Однажды Кулиев пришел на собрание школьной производственной бригады. Послушал он ребят, выступил сам, рассказал им о делах колхоза, а потом, осматривая помещение школы, спросил директора:

— Не тесно ли вам тут работать?

— Как же не тесно, Сейфутдин-халу,— ответил тот, — в две-три смены занимаемся.

«Да-а-а»,— задумчиво протянул Сейфутдин и, посмотрев на директора, произнес:

— Хорошо, гардаш, что-нибудь придумаем.

Мысль о строительстве новой школы для детей колхозников не покидала председателя. Наконец, когда стали подсчитывать доходы колхоза за 1959 год и Кулиев узнал, что денежный доход составит более десяти миллионов рублей, он повеселел:

«В этом году мы получаем большой доход,— рассуждал Кулиев,— на будущий год, когда сады и виноградники дадут значительно больший урожай, доход

будет еще богаче. Почему бы нам не построить школу-интернат?»

Своими мыслями Кулиев поделился с членами парткома и членами правления колхоза.

Они поддержали Кулиева. И вскоре правление внесло на рассмотрение общего собрания колхозников вопрос о строительстве в Куруше школы-интерната стоимостью шесть миллионов рублей.

Шумно шло это собрание. Одни поддерживали, другие выступали против. Были и резкие выступления.

— Для чего мы сюда переселились,— говорил один оратор.— Люди ушли за сотни километров от могил своих предков в надежде устроить себе хорошую жизнь. Жить бы нам сейчас, да жить, но не дают. Ведь есть же у нас школа, да еще двухэтажная, есть Дворец культуры. Зачем еще интернат!

— Ничего ты не понимаешь! — крикнул кто-то из зала.

Снова шум, снова споры. Поставили вопрос на голосование. Решили строить школу-интернат.

Но те, кто яростно протестовал против этого строительства, не успокоились. Они стали наговаривать на председателя, настраивать против него колхозников. «Вот скоро будем слушать годовой отчет на собрании, мы там и решим вопрос о руководстве колхоза»,— говорили недоброжелатели Кулиева. В начале 1960 года в колхозе состоялось отчетное собрание (заметим, не отчетно-выборное). Собрание проходило в нарядном, залитом электрическим светом зале Дворца культуры. Внимательно выслушали курушцы отчет правления. Начались прения. Говорилось очень много хороших слов в адрес правления и его председателя Сейфутдина Кулиева, но были и резко критические выступления. Хотя на этом собрании не предполагались выборы нового правления, в зале раздались голоса, требующие переизбрать правление.

Один из членов правления, сидевший рядом с Кулиевым, на ухо шепнул ему:

— Что же это такое? Кто-то мутит людей, а ты сидишь и молчишь?

— Что же делать,— спокойно ответил Кулиев.— Это их право. Пускай выбирают. Не всегда же мне быть председателем. Я уже не молодой...

Эти же слова произнес Кулиев и вслух. Сотни глаз смотрели на Сейфутдина, сотни людей перебирали в уме всё, что сделал для них Кулиев, помогая им строиться на новом месте. «Нет, мы не дадим Сейфутдина в обиду»,— говорили многие. И когда начались выборы нового состава правления, подавляющее большинство колхозников снова проголосовало за Сейфутдина Кулиева.

Вот почему, проверяя работу строителей, Кулиев думал: «Колхозники поняли—интернат нужен. Теперь надо не ударить лицом в грязь».

Личное и общественное

В центре Нового Куруша, неподалеку от Дворца культуры, расположены контора правления колхоза, сельский Совет, библиотека, три магазина. А рядом с сельским Советом заложен фундамент еще одного здания.

— Здесь будет аптека,— сказал Кулиев.

— Строит Сейфутдин-халу на свои средства,— добавил прораб.

Для меня это было новостью, и Кулиев объяснил, как у него возникла мысль построить аптеку на свои личные средства.

Несколько месяцев назад он ехал в Махачкалу на колхозной «Победе». У выезда из селения Сейфутдин заметил колхозника с поднятой рукой.

— Останови машину,— сказал он шоферу и открыл дверцу.— Куда собрался?

— В Махачкалу, джан Сейфутдин-халу, за лекарством.

— А в нашей больнице ты спрашивал?

— Спрашивал, халу, и у нас в больнице, и в Хасавюрт ездил, нет нужного лекарства.

— Ну, садись, гардаш, поедем.

Приехав в Махачкалу, Кулиев вспомнил, что и ему нужны кое-какие лекарства. Побывал он в двух аптеках, не нашел. Решил сходить в аптекоуправление.

— Заходите, товарищ Кулиев,— пригласил его управляющий.

Сейфутдин удивился: «Откуда он меня знает?» Получив лекарства, Кулиев сказал:

— Всё у нас есть в колхозе: и Дворец культуры, и двухэтажная школа, и электростанция, и больница, и несколько магазинов, только вот аптеки у нас нет. Часто за лекарствами в город приходится посылать людей. А ведь в колхозе больше 800 хозяйств.

— Мы можем открыть у вас аптеку,— предложил управляющий,— но только нужно специальное помещение. Сможете обеспечить — будет аптека.

Кулиев задумался. Он вспомнил недавние споры из-за средств на строительство школы-интерната. Правда, на аптеку требуются небольшие деньги, но всё же надо поставить вопрос на правлении, получить согласие общего собрания. «Опять разговоры,— подумал Сейфутдин,— опять споры». Он прикинул в уме, сколько придется ему получить на трудодни, подсчитал свои личные сбережения и твёрдо решил: «Построю на свои деньги».

— Хорошо, товарищ,— ответил Кулиев управляющему.— Мы построим помещение, а вы откроете нам аптеку.

И они обменялись дружеским рукопожатием.

Теперь каждый день, проходя мимо строящегося здания аптеки, Сейфутдин торопил строителей.

«Пар костей не ломит»

День клонился к вечеру.

— Как время бежит,— удивился Кулиев.— Солнце уже во-он куда ушло, а я еще не побывал на парниках, не видел, как поливают кукурузу... Ай-ай-ай...

Он взглянул на часы, но заметив бухгалтера, который пришел с каким-то листком бумаги в руке, взялся за голову.

— Эй, гардаш, мне надо в конторе побыть немного. Дела тут есть. Ты пока погуляй себе,— предложил он мне.

И взяв из рук бухгалтера документ, поспешил в помещение.

— Убедился, кунак? — спросил старый лезгин, гостеприимно встретивший меня накануне,— всё бежит, торо-

пится, времени ему не хватает. Говорил я тебе: беспокойный человек Кулиев.

Старый лезгин со своими сверстниками сидел на лавке возле правления колхоза и грелся на солнышке.

— Я Сейфутдина знаю давно,— добавил другой старик.— Еще босиком по старому Курушу бегал. Теперь ему за шестьдесят перевалило и всё бегают, не сидит на месте. Вот увидите, и в конторе не задержится.

И правда, Сейфутдин не заставил себя долго ждать.

— Пока не стемнело,— сказал он,— сходим на парники. Ты не устал еще, гардаш?

Парники находились недалеко от селения. Приземистый сухопарый человек с тёмным от загара лицом, заметив председателя, пошел ему навстречу.

— Хош гельди, Сейфутдин-халу, добро пожаловать!

Это был один из звеньевых овощеводческой бригады Абедуллах Бигушев.

— Ну, чем можешь нас порадовать, Абедуллах? — спросил председатель.

— Посмотри, Сейфутдин-халу, вон там рассада томатов, а там табак...

Кулиев подошел поближе, посмотрел на растения, нахмурился.

— Яда,— обратился теперь он к главному агроному Гаджибалаеву, вместе с нами пришедшему на парники.

— Почему рассада такая маленькая? Когда же мы сажать будем томаты?

— Посадка уже началась, халу,— ответил агроном.

— Хм, началась,— усмехнулся Сейфутдин,— а когда мы ее кончим? Ты скажи мне, почему плохо растет рассада?

На молодом, смуглом лице агронома выступила краска. Он посмотрел на звеньевого и спросил:

— Абедуллах-халу, вы на ночь парники закрываете рамами?

— Закрывали, только вот последние несколько дней не стали...

— Ва! — удивился Сейфутдин,— почему же вы перестали закрывать?

— Тепло ведь уже,— ответил звеньевой.

— Ай-ай-ай, ты меня смешишь, Абедуллах,— сказал Кулиев.— Во-первых, сейчас не совсем тепло,

а во-вторых, как тебе должно быть известно, пар костей не ломит. Или ты не знаешь такой поговорки?

Абдуллах молчал.

— Нельзя так работать, гардаш,— уже мягче произнес Кулиев.— Мы сегодня в правлении говорили о сроках посадки овощей. Ругали вашего бригадира. Оказывается, виноват ты. Признаешь?

— Хотя бы заглянул в звено Агарзаева,— упрекнул Бигушева агроном,— посмотрел бы, какую рассаду он вырастил...

— А ведь Агарзаев молодой звеньевой,— заметил Сейфутдин.

Рядом поливал рассаду старик с обвязанной полотенцем головой. Полотенце напоминало чалму. Услышав последнее замечание председателя, он бросил реплику:

— Ум не в возрасте, джан Кулиев, а в голове человека...

Сейфутдин повернулся к старику, весело сказал:

— Баркалла-халу, правду говоришь...

Он велел звеньевому собрать работающих на парниках овощеводов, поговорил с ними.

— Вы помните, какой урожай получил Агарзаев со своего участка в прошлом году? — спросил он.

— Шестьсот центнеров помидоров с гектара,— ответили колхозники.

— И вы думаете, что эти шестьсот центнеров сами по себе выросли?

Хотя колхозники в своё время слушали рассказ Агарзаева об опыте работы звена, председатель еще раз напомнил, с каким большим трудом были выращены те шестьсот центнеров томатов на гектаре. А потом еще раз напомнил Бигушеву, чтобы тот непременно закрывал на ночь рассаду парниковыми рамами.

— Не забудешь, гардаш? — спросил он на прощанье.

— Не забуду, юлдаш Кулиев.

Машине тоже нужен отдых

Уже смеркалось, когда с Кулиевым и Гаджибалаевым, пересекая большое кукурузное поле, мы возвращались домой. Высоко над Курушем мигали одинокие

звёзды. На улицах селения зажглись электрические лампочки.

— Ва, почему свет такой тусклый сегодня? — удивился Кулиев.

— Дворец культуры, наверное, забрал энергию, — ответил Гаджибалаев. — Сегодня Лезгинский театр выступает у нас...

— О-о-о! — Сейфутдин схватился за голову. — Вот попадет мне от Тамары, она собиралась сегодня идти на спектакль.

Сейфутдин посмотрел на часы.

— Темно, не вижу...

— Теперь, видимо, поздно, Сейфутдин-халу, — сказал Гаджибалаев. — Пока вы переоденетесь, умоетесь...

— Да, ты прав, гардаш... Ну, сагул, надо спешить домой...

Тамара Георгиевна встретила мужа неласковым взглядом.

— Еруш, ты не обижайся на меня, — попросил Кулиев. — Я человек занятой, видишь, весь в пыли...

— Вижу, — ответила Тамара Георгиевна, — будто с мельницы. Хотела в театр сходить, да теперь уже поздно...

Сейфутдин виновато посмотрел на жену и попытался успокоить её.

— Ты не унывай, дорогая, мы с тобой в другой раз пойдем, еще успеем... А сейчас стряхнем с себя пыль, умоемся, поужинаем, радио послушаем...

Ужинал Кулиев неохотно и радио слушать не мог. Скинув с себя верхнюю одежду, он обвязал голову косынкой. Трудно было поверить, что передо мной сидит человек, который весь день неутомимо шагал по колхозным полям, давал советы и указания, а там, где нужно было, брал в руки лопату или секатор и работал вместе с колхозниками. Сейчас я видел пожилого, страдающего злым недугом человека, за которым жена ухаживает, как за ребенком.

— Устал, — сказал Кулиев. — Ты, конечно, извини меня, кунак, сердце у меня немного пошаливает, повышенное давление...

— Беречь надо здоровье, — сказала Тамара Георгиевна, — машине тоже отдых нужен. А ты человек, да еще в таком возрасте...

— Хорошо, еруш, хорошо, ты угощай кунака,— и, посмотрев на меня, спросил:

— Ты не куришь, гардаш?

— Нет, не курю.

— Хорошо делаешь, что не куришь. Вредное дело — курение. На себе испытал. Сорок пять лет курил, а теперь не курю.

Он встал, схватившись за бок, медленно пошел в соседнюю комнату и принес старый портсигар. Кулиев вынул из него и положил на стол единственную сигарету, находившуюся в портсигаре, и коробку спичек.

— Это, так сказать, реликвии, гардаш...

На сигарете рукой Кулиева была написана фраза: «Курил с 1914 года по 1958 год».

...Ему тогда было шестнадцать лет. Он батрачил в Азербайджане у крупного кубинского виноградаря. Был у хозяина сын, учился он в Париже. Однажды, приехав на каникулы, хозяйский сын привез большие коричневые сигары. С любопытством смотрели батраки, как молодой барин курит заграничные сигары.

— Попробовать бы,— сказал один из батраков.

— А что в этом хорошего! — заметил Кулиев.

— Ну, брат, ты еще не знаешь...

Проследив, когда хозяйский сын бросит окуроч, батраки подобрали его и стали поочередно курить. Понравилось Кулиеву, втянулся.

— Вот так, гардаш, я стал курящим,— посмотрел на меня Кулиев.— В пятьдесят восьмом году плохо стал себя чувствовать. Сердце начало шалить. В Москве был я в это время. Сходил к опытным врачам. Измерили кровяное давление, спросили, курю я или нет. Признался. «Немедленно бросайте курить!» — сказали мне врачи. И я бросил. Хорошо, что бросил. Теперь не выношу запаха табака.

Спал Сейфутдин плохо, часто поворачивался сбоку набок, кашлял и стонал. А утром поднялся, как всегда, рано, надел свой любимый китель с отложным воротником, накинул на плечи пальто и вышел на улицу. Еще не было шести утра, а Сейфутдин стоял возле калитки, разговаривал с подошедшими к нему колхозниками.

— Видали вы такого! — кивнула в сторону мужа Тамара Георгиевна.— Ночью болел, стонал, а спозаранку вышел на улицу...

Мы смотрели на Кулиева и не узнавали недавнего больного. Как и накануне утром, к нему подходили то одни, то другие люди решать различные дела.

— Ну, вот... и начался рабочий день,— сказала Тамара Георгиевна.— Так всю жизнь.

Стоял теплый, на редкость тихий день, когда мы выезжали из Куруша.

— Ты не забывай нас, гардаш,— сказал на прощанье Сейфутдин.— Скоро у нас будет очень хорошо. Приезжай!

Аромат солнца

В страдные дни уборки урожая винограда мне довелось снова побывать в Куруше. Неподалеку от аула встретился с переселенцем стариком Мустафой Ферзалиевым. Медленной походкой, прихрамывая, он сошел с асфальта, вытер потный лоб папачой и присел у кювета.

— Удивительные времена,— сказал старик, оглядывая груженные виноградом машины, мчавшиеся мимо, стройные ряды тутовых деревьев, образовавших по обе стороны дороги зеленые стены.

На дорогу падала тень от деревьев. А за зелеными стенами раскинулись обширные плантации винограда.

— Как будто совсем это недавно было,— произнес старик,— в 1956 году. Жил я тогда в Азербайджане, как и многие курушцы. Работал пастухом. И дети мои работали в азербайджанских колхозах. Встретил там я как-то Сейфутдина Кулиева, председателя из Куруша, обрадовался, спросил о жизни своих земляков. «Приезжай, посмотри,— сказал он.— Мы теперь живем в кумыкской степи. У нас новое большое селение, сады и виноградники. Приезжай. Если тебе понравится — останешься, не понравится — уедешь». Соблазнил меня Сейфутдин. Приехал я, посмотрел на новые дома под черепицей и шифером, на молодые сады вокруг, на широкие прямые улицы, сходил на виноградники. Тогда как раз уборка шла. Стоял жаркий, солнечный день.

Увидел меня Сейфутдин, пожал руку, нагнулся к кусту, сорвал гроздь винограда и сказал: «Бери, Мустафа-халу, отведай наш «ркацител» — это хороший сорт». Попробовал я, верно, хорош виноград, солнцем пахнет. Оглянулся кругом — глаза разбежались. Ах, как красиво висит виноград на кустах! Посмотрел я на Сейфутдина, спросил: «Как вы смогли так быстро вырастить виноградники?» Засмеялся Кулиев, обнял меня и сказал: «Потрудились и вырастили».

В это время из-за шелковицы вышел Кулиев.

— Вот и сам председатель,— произнес старик.

— О-о! Хош гельди, кунак,— обрадовался Кулиев.

— Это я рассказываю, как ты меня тогда угощал виноградом,— улыбнулся старик.

Черные глаза Кулиева весело заблестели.

— Э, Мустафа-халу, ты приехал сюда в хорошее время, когда и виноград можно было попробовать. Вот, если бы побывал в 1952 году, когда степь была голая, бедная, бесплодная...

Кулиев оглядел виноградники.

— Здесь кругом были дикие кустарники. Ребятишки терн собирали. А теперь? Мы с вами собираем богатый урожай «ркацител», «агадаи», «нармы».

Слушая рассказ Кулиева, я невольно вспоминал свой первый приезд в Куруш. Правда, это было не в 1952 году, когда курушцы переселялись с заоблачных высот Докузпаринского района, а весной 1954 года. Ехали мы по разбитой дороге. Не было тогда асфальтированного шоссе, не было вокруг нового Куруша обширных плантаций. Кругом — голая степь. Были построены только первые сотни домов колхозников, возводилось двухэтажное здание средней школы, начинали распускать листочки совсем еще слабые саженцы, которые сильно гнулись от порывов степного ветра.

Поблизости от селения уже зеленели молодые сады, а дальше на больших площадях продолжались посадки. Мы ехали по степи и слышали шум тракторов, корчующих заросли терна, видели молодых курушцев, которые рыли лунки для молодых саженцев, поливали бесконечные ряды виноградников.

В тот год многие курушцы еще сомневались: правильно ли поступили, что взялись за садоводство и виноградарство? Не проще ли было идти по проторен-

ной дороге, заняться своим привычным делом, ограничиться животноводством и полеводством? Но вот партийная организация республики поставила задачу: превратить Дагестан в цветущий сад, довести площади садов и виноградников до 200 тысяч гектаров. Посоветовался Кулиев с агрономами, изучил опыт других колхозов, убедился в выгоде садоводства и виноградарства, стал убеждать своих земляков.

В 1954 году они собрали первый урожай винограда.

Теперь рассеялись все их сомнения. С тех пор площади под виноградниками стали расти ежегодно и в 1959 году достигли 500 гектаров. Колхоз получил от виноградарства в 1959 году около двух с половиной миллионов рублей дохода.

1959 год был первым годом семилетки. Разработали свой семилетний план и курушцы. Они наметили довести площадь виноградников до 877 гектаров, а плодовых садов до 539 гектаров.

Можно себе представить, каким богатым будет колхоз и как поднимется уровень жизни колхозников, когда начнут давать плоды все эти огромные виноградники и сады. Вот почему курушцы стали рассматривать садоводство и виноградарство, как основную отрасль хозяйства артели. По велению сердца люди эти идут в сады, на плантации, выращивают обильный урожай, убирают его без потерь.

По плану 1960 года колхоз должен был продать государству 800 тонн винограда. Но весной, когда виды на урожай были хорошими, курушцы посоветовались между собой и взяли обязательство продать 930 тонн. Однако лето оказалось дождливым. А виноградары знают: если после дождя не опрыскивать виноградники, непременно появится болезнь, попортит урожай. Поэтому колхоз заблаговременно подготовил тракторные и ручные опрыскиватели, и после каждого дождя люди всеми имеющимися в колхозе средствами производили опрыскивание. Работали механизаторы и рядовые виноградары, работали девушки и старики, юноши и пожилые люди.

Прошло лето. Отяжелели кусты. Налились сахаром ягоды. Настала пора уборки. Кулиев пригласил в правление всех бригадиров, распорядился, кому что делать.

А ночью снова пошел проливной дождь. Кулиев еще не спал. Как только он услышал шум дождя, сейчас же встал и начал одеваться.

— Что с тобой, Сейфутдин? — забеспокоилась Тамара Георгиевна.

— Э-э-э, не везет нам нынче, Тамара, — сказал Кулиев. — Этот дождь будто за ворот моей рубашки течет. Не дает спать!

Он натянул сапоги, накинул пальто и вышел на улицу. Дождь поднял не только одного Кулиева: многих курушцев разбудил этот шумный дождь, много тревоги принес людям. К счастью, он вскоре перестал, и утром курушцы организованно вышли убирать виноград.

Несмотря на неблагоприятные условия года, многие бригады собрали по 90 центнеров винограда с гектара, и колхоз с честью выполнил свои обязательства.

...На исходе был теплый сентябрьский день. Заканчивалась уборка винограда. Люди возвращались с работы.

— Осталось еще немного убирать, — сказал Кулиев.

Большой, еще не убранный участок был на краю массива. Войдя в междурядье, Кулиев нагнулся, сорвал кисть винограда.

— Посмотри, гардаш, какой красивый виноград, — сказал он. — «Ркацители».

— Солнечные ягоды, — вспомнил я слова старика. Тяжелые гроздья винограда, озаренные лучами вечернего солнца, переливались всеми цветами радуги.

Кулиев отведал несколько ягод и произнес:

— Попробуй, кунак, какой душистый. Ведь всё это от солнца. Чем больше солнца, тем слаще виноград. Ешь его и чувствуешь аромат солнца.

Старик Юсупов

Был конец сентября. После многодневных надоедливых дождей установилась ясная солнечная погода. Еще до восхода солнца началось движение по улицам Куруша, по дорогам, идущим на виноградные плантации. Кругом пестрели яркие платья, виднелись разноцветные косынки и белые платки курушских девушек.

Только старый Асвар Юсупов, один из колхозных бригадиров, вышел в это утро в своей неизменной папахе и остроносых азиатских галошах. Приземистый, худощавый, он шел рядом с высоким, грузным, немного сутуловатым Сейфутдином Кулиевым и щурил на него глаза.

— Вот так, юлдаш Кулиев,—сказал старик.— Моя бригада закончила уборку и теперь помогает Джалалу.

— Баркалла, Асвар-халу,—похвалил председатель,— хорошо поработали твои люди. Для нынешнего года 100 центнеров винограда с гектара — это хорошо.

— Да-а-а,—вздыхнул старик,—год был тяжелый, сам знаешь: туман, дождь, а за дождем солнце, опять дождь, опять солнце... Стоило упустить момент, не вовремя опрыскать купоросом, было бы очень плохо... и старик вспоминал, какую битву за урожай пришлось ему выиграть нынче.

...На участке бригады были проведены все агротехнические мероприятия: обрезка, полив, вспашка, прополка. Хороший уход за плантациями обещал богатый урожай. Уже в июне Асвар, осмотрев кусты, увешанные гроздьями, порадовал руководство колхоза. «Виды на урожай хорошие»,— говорил он.

Неплохой урожай ожидался и в других бригадах. Курушцы, пересмотрев свои социалистические обязательства, решили собрать и продать государству значительно больше винограда, чем планировалось раньше. Но вот в самый разгар лета, когда гроздья винограда начинали быстро расти, на небе сгустились тучи, а потом на курушские земли опустился сырой и холодный туман.

— Это не к добру,—заволновался старый Асвар.

Он обошел членов своей бригады, предупредил, что они должны быть готовы к опрыскиванию виноградников, если пойдет дождь. Домой Асвар пришел мрачный, не играл, как обычно, с внуками, а, выпив стакан чаю, лег спать. Но он не спал. Асвар запретил жене гасить свет.

— Я не сплю, еруш, пускай горит свет.

— И долго еще не будешь спать?

— Пока не засну,—сострил Асвар.

Но вскоре он заснул, и старуха погасила свет.

Поздней ночью Асвара разбудил шум разразившегося за окном ливня.

— Ты спишь? — спросил Асвар жену.

— Чего тебе?

— Это не дождь ли идет?

— Дождь, разве не слышишь?

— Вах, кто его просил, зачем нам сейчас дождь!

Старик оделся, взял папаху и вышел во двор. Дождь лил, как из ведра. Старик затосковал: «Ах, как жаль, ах, беда», — шептал он. До утра не сомкнул глаз Асвар. К рассвету дождь перестал, поднялся сильный ветер и рассеял тучи, на горизонте показалось солнце.

Поутру члены бригады Юсупова шли по междурядьям и опрыскивали купоросом кусты, увешанные виноградными гроздьями.

— А что, Асвар-халу, — спросила молодая колхозница Беневша Азадова, — купорос спасет виноград от гибели?

— Разве ты не знаешь, дочка, — ответил Юсупов. — Опрыскивание виноградников похоже на то, как людям делают уколы против тифа. Опрыскивание защищает виноград от заражения разными болезнями.

Члены бригады постарались хорошо провести опрыскивание. Но вот через день опять разразился проливной дождь. И снова тревога за судьбу урожая, и снова волнения. В течение месяца четыре раза шел дождь, и четыре раза под руководством Юсупова опрыскивали виноградники.

В сентябре, когда началась уборка, опять погода испортилась, небо потемнело, пошел мелкий, морозящий дождь.

— Шалишь, — произнес Асвар, — мы не сдадимся. Будем убирать при любой погоде.

Члены бригады в короткий срок убрали виноград. В последних числах сентября коммунист Асвар Юсупов доложил правлению колхоза о завершении уборки и выполнении взятых обязательств.

...Побывав однажды в Куруше, я встретился с Асваром Юсуповым.

Старик долго водил меня по междурядьям выращенного его бригадой абрикосового сада, рассказывал, как было получено нынче по 280 центнеров абрикосов и по 100 центнеров винограда с гектара, с похвалой от-

зывался о членах своей бригады, особенно о девушках. Потом мы направились с Юсуповым в его дом. Я попросил показать его личный приусадебный участок.

— Яда, эй Эмирулла,— обратился старик к сыну,— покажи кунаку наш сад...

Из дома вышел плотный человек средних лет и, вежливо поклонившись, провел меня на виноградник отца. Урожай здесь еще не был убран и гроздья наполовину сгнили.

— Что это? — спросил я у Эмируллы.

— Летом появилась мильдью, а перед уборкой виноград был поражен оидиумом.— Эмирулла, улыбнувшись, добавил:

— Я знаю, вы скажете: «Сын агроном, отец передовой виноградарь и вдруг не смогли спасти свой виноград».

Переходя от куста к кусту, Эмирулла рассказывал:

— Видите ли, летом меня не было в селении, а отцу некогда было заниматься своим приусадебным участком. Ведь он бригадир, отвечает за большой коллектив, ему доверено общественное хозяйство. Если бы даже весь виноград на приусадебном участке сгнил, отец не отвлекся бы от колхозного дела. Он дал слово, что бригада выполнит взятое обязательство и сдержал свое слово.

— Ну, как, кунак, посмотрел мой участок? — спросил старик, когда мы вышли из сада.— Плохой я хозяин...

...Однажды за семейным столом Эмирулла спросил:

— Дорогой отец, может быть тебе лучше теперь оставить бригаду, пойти на пенсию? — Асвара будто кто-то ударил. Старик бросил ложку, соскочил с места и, гневно посмотрев на сына, сказал:

— Рано ты меня, сынок, хочешь похоронить...

— Что ты, дорогой отец,— смущенно возразил Эмирулла.— Я о тебе же забочусь...

— Не надо заботиться обо мне,— отрезал старик и, успокоившись, добавил: — я еще силен... и, пока бьется сердце в груди, не сдамся...

Это говорил человек, которому, по его утверждению, около девяноста лет, из которых больше семидесяти отданы труду.

...Асвар Юсупов не помнит отца. Грудным ребенком он лишился кормильца, а двенадцатилетним мальчиком простился с матерью, покинул родной Куруш, ушел в промышленный Баку зарабатывать хлеб. С тех пор до самого установления Советской власти в Дагестане он батрачил, работал на нефтяных промыслах, изведал много горя. Уже пожилым человеком возвратился он в родной Куруш. Вступив в 1928 году в партию, Юсупов стал одним из организаторов колхоза. Он был председателем сельского Совета, а в момент переселения на равнину возглавил полеводческую бригаду.

До переселения в Хасавюртовский район Юсупов не имел дела ни с садоводством, ни с виноградарством. Но вот в Куруше партийная организация предложила освоить пустующие земли под сады и виноградники. Много споров, много разговоров было вокруг этого дела. Были и сомнения — как, мол, это так, курушцы — потомственные животноводы, и вдруг возьмутся за виноградарство! В поддержку предложения партийной организации наряду с другими выступил и Асвар. Уже в преклонном возрасте он возглавил садово-виноградарскую бригаду и стал изучать новое дело. Старик с помощью молодых агрономов учился делать обрезку, опрыскивать, поливать сады и виноградники.

Вот уже четвертый год бригада Юсупова снимает высокий урожай с заложенных ею виноградников и каждый раз занимает первое место в социалистическом соревновании. Имя старого коммуниста всегда на Доске почёта.

Асвар подошел к сыну, положил ему на плечо руку и сказал:

— Сынок, помни, в труде — моё счастье. А без труда я погибну.

— Прости меня, джан отец, я не хотел тебя обидеть.

Все же через год старик ушел на пенсию. На посту бригадира его заменил Эмирулла. Но Асвар нет-нет, да и появляется в бригаде, помогает в меру своих сил.

— Мне кажется,— говорит он,— без работы я не могу жить. А ведь мне хочется увидеть коммунизм.

Снова весна...

Снова весна, май, и опять мы в новом Куруше. Утро. Всё вокруг залито лучами яркого весеннего солнца. Качаются на ветру верхушки пирамидальных тополей. Мчатся по широкой прямой улице машины. А на краю селения, неподалеку от асфальтированного шоссе, молодые нефтяники строят буровую вышку.

Обновляется кумыкская степь. Там, где веками пустовала земля и росли колючие кустарники, руками советских людей возведены красивые жилые дома и школы, выращены сады и виноградники, проложены дороги.

Как всегда, у хозяйственного двора собрались люди. Здесь и старики в папахах, и юноши в соломенных шляпах. Пестрят красные, голубые, зеленые платья и кофты девушек. Колхозники о чем-то горячо спорят с секретарем парткома Мамедовым.

— Гаджи-халу,— обращается к нему невысокий, худощавый парень,— мы слово дали помочь соседям. Надо от слов к делу переходить...

Я посмотрел на серьезное, загорелое лицо молодого колхозника и пытался вспомнить, где и когда я с ним встречался...

Да, это было в мае прошлого года... Такое же солнечное утро, но без ветра. На главной улице много людей. Подобно тому, как степные ручейки с разных сторон вливаются в большую реку, люди со всех концов селения устремлялись на главную улицу и оттуда продолжали свой путь на поля и виноградники, на строительные площадки и парники. Среди колхозников был молодой овощевод, звеньевой Агарзаев. Как и все его товарищи, он нес узелочек, а из кармана выглядывала пачка газет. А несколько позже, у парников мы видели, как Агарзаев в кругу товарищей читал газету. «Агитатор, передовой колхозный овощевод»,— вспомнил я парня, вспомнил его рассказ: после окончания десятилетки он остался в родном колхозе в овощеводческой бригаде, учился на годичных курсах овощеводов и потом стал руководить звеном, выращивать высокие урожаи овощей. Колхозный маяк, коммунист, энергичный, трудолюбивый. Вот кто говорил сейчас с секретарем парткома.

О какой помощи говорит Агарзаев? В начале года, узнав о почине передовиков Серпуховского района

Московской области, партийная организация колхоза имени Карла Маркса собрала актив, чтобы посоветоваться, как ответить на почин серпуховчан. Люди долго молчали. В чем должна выразиться их помощь? Тогда слово попросил Кулиев.

— Наш колхоз крепко стал на ноги. А вот наши соседи, шагодинцы, как вам известно, недавно переселились с гор. Раньше они не занимались виноградарством, овощеводством. Да и с техникой у них затруднение. Кто же им должен помочь, как не мы. Ведь недаром говорят: «Близкий сосед лучше дальнего родственника».

Лица многих колхозников озарились улыбкой.

— И как Сейфутдин-халу к месту находит слова,— раздался голос.

— Прав Сейфутдин-халу!

Обрадовался Кулиев:

— Поддержим почин серпуховчан. Поможем соседям поднять плантаж под виноградники, пошлем к ним для консультации своих лучших виноградарей и овощеводов. Если нужно будет, выделим технику и посадочный материал.

После этого совещания состоялось колхозное собрание. Курушцы подхватили почин серпуховчан, послали свою делегацию. Возглавлял ее Кулиев. Был в составе делегации лучший овощевод, звеньевой Агарзаев. Вот он и теперь настаивал, чтобы колхоз направил его к соседям.

— А у себя ты дела закончил? — спросил Мамедов.

— Потому и прошу,— ответил Агарзаев.

— Тогда поедешь,— решил секретарь парткома.— Надо только посоветоваться с Кулиевым.

И он, опустив голову, задумался. Задумался и Агарзаев. Потом, из подлобья посмотрев на Мамедова, сказал:

— Ведь Сейфутдин-халу больной, нельзя беспокоить...

Кулиев болел. Теперь я догадался, почему его нет здесь в это майское утро, когда народ идет в поле.

— Две недели как болеет наш председатель,— сказал Мамедов.— Может быть желаете проведать его? Теперь он поправляется. Но врачи не разрешают выходить.

Непослушный больной

В полдень мы направились проведать больного. У калитки встретила нас Тамара Георгиевна.

— Горе мне с таким больным,— вздохнула она, обернувшись к дому,— не ложится ему, посмотрите на него...

Сейфутдин находился во дворе.

— О-о-о! Хош гелди, джан гардаш,— воскликнул Кулиев,— Тамара, дай кунакам стулья.

Лицо у Сейфутдина было бледное, на изрезанном морщинами лбу выступил пот...

— Ослаб я, кунак, за последние дни,— сказал Кулиев, вытирая лоб,— старость, да еще болезнь пристает, будь она неладна!

— Лечиться надо, отдыхать.

— Отдыхать? — Кулиев усмехнулся и лукаво посмотрел на нас.— Отдыхать, конечно, надо. Это хорошо. Но...

Он приподнял голову, посмотрел на небо и, обращаясь к Мамедову, спросил:

— Гаджи, почему самолеты не летают? Ведь озимые хлеба заросли сорняками. Надо гербициды давать на поля...

Мамедов посмотрел на небо и тихо ответил:

— Ветер был, халу, ветер.

— Хм,— улыбнулся Кулиев.— Когда это был ветер? Утром. После того, как перестал ветер, можно было десять раз облететь все наши поля.

Немного задумался, вытер лоб и крикнул жене:

— Тамара, позови шофера!

— Это зачем тебе шофер! — всплеснула руками Тамара Георгиевна.

— Э-э-э,— скривил губы Сейфутдин.— Нужен мне шофер. Позови, джан Тамара.

Тамара Георгиевна вздохнула, недовольно покачала головой и ушла со двора. Вскоре на улице раздался сигнал машины, и Кулиев, надев шапку поплотнее, встал.

— Может поедешь со мной, гардаш? — спросил он. Мы сели в машину.

— Далеко, Сейфутдин-халу? — спросил шофер.

— В степь, к самолетам...

Шофер с недоумением посмотрел на Кулиева, потом как бы про себя промолвил: «Удивляюсь, как можно такому больному из дому выходить...»

Кулиев покосился на шофера.

— Яда,— сказал Сейфутдин,— ты кто, шофер или врач?

Тот только вздохнул и нажал на педаль.

Через несколько минут мы были в степи, где стояли самолеты. Заметив приближающуюся машину, из-за самолета навстречу Кулиеву вышли два летчика. Любезно поздоровались с председателем колхоза.

— Чего ждете, товарищи, почему не летаете? — спросил Кулиев.

— Рады бы лететь, да вот нет вашего бригадира, нам нужны сигнальщики.

Кулиев оглянул колхозников, собравшихся около большой кучи гербицидов. Тяжело переставляя ноги, вытирая потный лоб, он направился к землякам и крикнул:

— Яда, эй, Оглан, я вижу вам понравился запах гербицида. Отдыхаете, как на курорте.

Те опешили:

— Сейфутдин-халу, что нам делать?

— Конечно, не нюхать гербицид, а помочь летчикам.

Кто сигнальщики?

— Мы ждем бригадиров,— ответили колхозники.

— Бригадиров? А где они?

— В Куруше.

Сейфутдина будто что-то больно кольнуло. Обратившись ко мне, он сказал:

— Садись, гардаш, в машину. Поедем за бригадирами.— Потом, попрощавшись с летчиками, добавил: — Сейчас, товарищи, сейчас приедут бригадиры.

Через несколько минут Кулиев всех поднял на ноги, нашел бригадиров, пристыдил их и велел немедленно обеспечить вылет самолетов, расставить сигнальщиков.

— Без сигнальщиков разбрасывать гербицид нельзя,— предупредил Кулиев.— Правильно поступают летчики. Помните, как в прошлом году гербициды повредили виноградникам? Это потому, что не было на полях сигнальщиков. Понятно?

Приехав домой, Кулиев не стал раздеваться и отдыхать. Он сидел во дворе и наблюдал за небом.

— Чай готов, зайдите в комнату,— пригласила Тамара Георгиевна.

— Чай никуда не уйдет, а вот гербициды...

В это время раздался гул мотора самолета. Кулиев встал, и его бледное лицо прояснилось. Он поднял голову, чтобы лучше видеть самолет.

— Вот начали летать,— обрадовался Сейфутдин.— Теперь и чай можно пить.

— Тамара,— позвал он жену.

— Я здесь, иду!

Сейфутдин снял пальто, вымыл руки, налил себе крепкого чая.

Во дворе залаяла собака. Пришли люди. Это были бухгалтер, инженер-механизатор, прораб строителей.

— Ты посиди, гардаш,— сказал мне Кулиев.— Я сейчас поговорю с товарищами.

Оставив недопитый чай, он удалился в другую комнату и долго говорил с пришедшими.

— Видали вы такого больного? — спросила Тамара Георгиевна.

А болел Сейфутдин крепко. Я заметил это ночью, когда из соседней комнаты, где лежал Кулиев, всё время раздавались стоны. За ночь Тамара Георгиевна несколько раз давала ему лекарства, поправляла постель, ставила компресс.

А утром, когда я проснулся и вышел на улицу, Кулиев, закутавшись в пальто и опустив уши зимней шапки, стоял с бригадирами и горячо им говорил:

— Пора начинать прополку кукурузы. Всходы хорошие, квадраты точные. Я видел вчера. Надо начинать борьбу за кукурузу.

Смотрел я на Кулиева и понял: именно в работе, в постоянном общении с людьми черпал Сейфутдин Кулиев свои силы, свою неуёмную энергию, своё счастье...

Когда начинается утро

Пахнет свежим сеном. Где-то далеко лают собаки. Тут и там попеременно поют петухи. Мычат коровы. Молодые пастухи подгоняют животных.

Из-за макушек деревьев медленно встает солнце.

Вскоре золотые лучи солнца озаряют крыши домов и листву деревьев, нежно ласкают налившиеся соком кисти винограда.

Начинается утро.

На широких, ровных улицах утопающего в зелени селения появляются люди. Все они постепенно стекаются на главную улицу, ведущую к хозяйственному двору. Идут пожилые мужчины в папахах и остроносых галошах, идут юноши в ярких клетчатых рубахах, без головных уборов, идут и заливаются смехом девушки в широких платьях. Одни несут ведра, другие корзины, третьи сумки. Все собираются у хозяйственного двора, где их уже ждут грузовики.

В Куруше наступает утро рабочего дня.

Идет массовая уборка «королевы полей», завершается сбор и отправка помидоров на консервные заводы, начинается уборка винограда.

И не только на грузовиках едут люди на участки. Не счесть здесь молодых колхозников, едущих на велосипедах. А вот подъехал один на мотоцикле.

— Не знаете? — Кивает на мотоциклиста Кулиев. — Это Исаев, знатный кукурузовод наш. А ну, подойди сюда, джан гардаш, Сатав!

Сатав Исаев, коренастый молодой человек, среднего роста, смущается.

— Расскажи, гардаш Сатав, как ты вырастил высокий урожай кукурузы,— просит Кулиев.

— Я его что ли вырастил,— вроде обижается Сатав.— У нас в звене много людей.— Он смотрит в сторону холмов кукурузы, образовавшихся у навесов, указывает на человека, перебирающего початки. Вот кто у нас маяк—Дарибек Алиагаев. По девяносто два центнера в початках собрал.

Исаев посмотрел на нас и сказал:

— Вы вероятно сейчас думаете, как это так, звено работает сообща и вдруг Дарибек один вырастил по 92 центнера кукурузы?

Он начал горячо рассказывать о своём товарище.

...Дарибек Алиагаев, смуглый, как и многие курушцы, худощавый и мускулистый человек, несколько лет работал трактористом, потом шофером, водил грузовики. Профессией своей он был доволен, не обижался на него и колхоз. Так и продолжал бы он своё дело,

если бы не события, разыгравшиеся весной этого года. В то время делегация из Куруша, которая побывала в Кабардино-Балкарии у знаменитого героя-кукурузовода Торчокова, возвратилась из поездки, и колхоз решил по примеру соседей создать у себя комплексные кукурузоводческие звенья, сочетающие технику с ручным трудом. На колхозном собрании были приняты большие обязательства.

Слушал Дарибек речи побывавших у соседей делегатов, задумался.— «А почему бы и мне не пойти в комплексное звено?»— А на завтра свои мысли высказал председателю.

— Зачем тебе звено, ведь ты же шофер,— удивился Кулиев.

— Хочу выращивать кукурузу, Сейфутдин-халу,— упрашивал Дарибек.

Кулиев думал, кусал свои губы, возмущался. Наконец, он сказал:

— Иди, гардаш, если хочешь к Исаеву, иди, выращивай кукурузу. Только смотри!

Сатав Исаев даже обрадовался. «Звено у нас комплексное,— рассуждал он,— чем больше людей, владеющих техникой, тем лучше». А Дарибека он спросил:

— Сумеешь меня на тракторе заменять, если надо будет?

Дарибек улыбнулся, кивнул головой.

Звено вовремя засеяло все 138 гектаров и начало борьбу за 60 центнеров зерна кукурузы с гектара. Когда на полях появились всходы, была трижды проведена культивация. Дарибек, обратившись к звеньевому, сказал:

— Теперь много будет ручной работы: полив, прожигание, подсадка... Дай мне одному десять гектаров, я обязуюсь собрать не менее чем по 80 центнеров...

Они находились в поле, и Сатав в это время осматривал изреженные места. В некоторых гнездах не было ни одного растения.

Требовалась подсадка... «Хм,— усмехнулся Сатав.— Берется один вырастить по 80 центнеров!»

— Ну, как, Сатав, согласен?

— Боюсь...

— Не веришь? — приуныл Дарибек.

— Ладно,— вдруг махнул рукой Сатав.— Давай. Раз есть желание, действуй!

Так Дарибек Алиагаев начал борьбу за 80 центнеров кукурузы с гектара.

Дни проходили в неустанной работе. Много раз Дарибек исходил все десять гектаров кукурузного поля.

— Ты и про дом, про детей забыл, Дарибек,— как-то прернула его жена.

— Не сердись, моя дорогая,— отшутился он.— Вот уберем кукурузу, тогда мы с тобой день и ночь будем вместе.

Дарибек часто бывал и на участке Агабека Оруджева, с которым соревновался. Интересовался его делами и, если замечал недостатки, подсказывал, помогал. И результат теперь налицо. Дарибек собрал по 92 центнера кукурузы в початках, а Агабек — по 70 центнеров.

С гордостью рассказав о делах члена своего звена Дарибека Алиагаева, Сатав добавил:

— Есть в нашем звене и другие маяки. Если хотите познакомиться с ними, я подвезу. Он показал на стоявший в стороне мотоцикл.

Солнце поднялось высоко и уже начало припекать, когда мы на мотоцикле Исаева объезжали кукурузные поля. Над степью стоял гул тракторов, по-хозяйски шагали мощные кукурузоуборочные комбайны, отделяющие початки от стеблей и измельчающие стебли.

— А вот там идет ручная уборка,— сказал Сатав.— Комбайнов еще маловато, а убирать надо быстро.

Из-за высоких стеблей, увешанных огромными початками, не видно было людей. Только девичьи голоса доносились до нас. Девушки распевали лезгинские песни. Сатав перепрыгнул канаву, скрылся среди кукурузы и позвал нас.

— Вот они, мои орлицы! — Гордо произнес звеньевой.

Замолкли голоса. Смущенно глядели на нас разругавшиеся девушки.

— Вот, посмотрите на них, это они вырастили хорошую кукурузу, они же и собирают.

По 700—750 килограммов вместо 600 по норме убирают в день Ася Турабова, Рукият Алиханова, Марият Гасанова.

— А теперь, если хотите, я отвезу вас на участок другого звена — Гаджиметова. Знаете его?

— Надир? — спросил я.

— Он самый.

Я вспомнил нашу весеннюю встречу с молодым шустрым парнем. Он тогда рассказывал, как после январского Пленума ЦК партии на семинаре агитаторов изучался опыт маяков из Кабардино-Балкарии, как было решено в Куруше организовать комплексные звенья по возделыванию кукурузы.

У агитатора Надира Гаджиметова стало традицией — каждое утро, перед началом работы читать товарищам свежую газету, проводить краткую беседу. После семинара, на следующее утро, сидя в кругу членов звена, Надир бросил реплику:

— Вы знаете, что мы отстаем по производству молока?

— Ну и что! — раздался ответ.

Надир покосился:

— А то, что не к лицу нам отставать.

— Хм, мы что ли доим коров...

— Э-э-эй, будто ничего не знаешь, — рассердился Надир. — Доить не трудно, кормить надо скот. А вот чем кормить?

И он, немного задумавшись, добавил:

— Было бы у нас вдоволь кукурузы, имели бы коровы корма. Тогда было бы много и молока, и мяса.

— Это всё нам известно, — отвернулся поливальщик Оруджев. — Ты говори, где взять корма.

Надир поднял на Оруджева свои темные глаза, громко засмеялся.

— Вот об этом и надо позаботиться нам с тобой, — ответил он. — Кукуруза — это корм. Кукуруза — это молоко и мясо. Правление колхоза решило нынче засеять 800 гектаров кукурузой, собрать не менее 52 центнеров зерна и 600 центнеров зеленой массы с гектара. За нашим звеном закреплено 80 гектаров. Так давайте поговорим, как лучше работать, чтобы вдоволь было кукурузы.

Завязался деловой разговор. Вспомнили достижения лучших кукурузоводов Кабардино-Балкарии, говорили также об успехах Сатава Исаева. Пришли к заключению: провести практические семинарские занятия по севу кукурузы, бороться за 58—60 центнеров зерна кукурузы с гектара.

Вскоре провели семинар. Произвели пробный сев квадратно-гнездовым способом. Квадраты не получались. Пригласили инженера Сабира Диярханова. Он наладил сеялку, показал, как надо обращаться с ней. Научились сеять.

Сев кукурузы на площади 80 гектаров был проведен вовремя, с соблюдением всех правил агротехники. Когда появились всходы, наметились четкие зеленые квадраты. Весной я видел эти квадраты, видел также, как члены звена очищали поля от сорняков.

Прошла весна, прошло и лето. Началась массовая уборка кукурузы. И как было приятно слышать, когда Сатав Исаев предложил поехать к Гаджиметову.

Стоял жаркий полдень. Мотоцикл, оставляя за собой облако пыли, носил нас по полевым дорогам.

— Слышите гул трактора? — спросил Сатав, чуть повернувшись ко мне, — там работает комбайн Гаджиметова.

— Сам водит комбайн?

— Сам.

Да, Надир Гаджиметов сам управлял комбайном. Слаженно работал агрегат. Дружный коллектив четко выполнял указания Гаджиметова. Во время перерыва Надир сказал:

— Это участок не нашего звена. На своём участке мы убрали кукурузу на площади 7 гектаров. По 70 центнеров зерна с гектара насчитали. А сейчас помогаем звену Гаджиева. Потом снова на своём участке будем работать.

И он мягко улыбнулся. Так, помогая друг другу, курушцы убрали богатый урожай «королевы полей».

Уже очистилось от стеблей более ста гектаров земли. Первые результаты были такие: 60—70 центнеров с гектара в початках.

На славу поработали нынче кукурузоводы переселенческого колхоза.

Чабан Юлчиев

Если по утрам со всех улиц Куруша люди стекаются к хозяйственному двору, то по вечерам самым многолюдным местом становится площадь у Дворца культу-

ры. Сюда манит людей музыка, передаваемая через громкоговоритель, показ нового фильма, соревнования волейболистов...

Солнце пряталось за горизонт, когда с полей возвращались люди. Далеким пожаром горело небо. С секретарем парткома Гаджи Мамедовым мы выходили из административного помещения колхоза.

— Товарищ Юлчиев! — обрадовался Мамедов, увидев на площади плотного человека среднего роста, в новом черном костюме и белой сорочке.

Тот тоже улыбнулся и зашагал навстречу Мамедову.

— Передовой чабан наш, — гордо произнес секретарь парткома, — Зияутдин Юлчиев.

Смутился Юлчиев, покраснел.

— Зачем так говорите, юлдаш Мамедов, — тихо сказал Юлчиев. — Есть чабаны лучше меня. Например, Пеленг-халу...

Я смотрел на Юлчиева и думал: «И вправду он не похож на чабана, одет-то как...»

— Он приехал на городскую партийную конференцию, — сказал Мамедов, — указывая на чабана. И избран делегатом областной партийной конференции.

Теперь мне стало ясно, почему чабан не был похож на чабана. А Юлчиев все смущался.

— Не любит, когда хвалят его, — сказал Мамедов.

Мы шли втроем по главной улице. Говорили о жизни, о работе чабанов, и хотя Юлчиев не хотел о себе говорить, всё же мы кое-что узнали об этом скромном, застенчивом человеке.

Родился Зияутдин в старом Куруше. Это было в 1930 году. Отец работал чабаном, почти не бывал дома: зимой пас скот на равнинных пастбищах в Азербайджане, летом находился на горных пастбищах. Однажды, когда Зияутдин был еще учеником второго класса, отец по пути с зимних пастбищ на летние на несколько дней остановился в ауле. Мальчик крепко ухватил отца за руку:

— Дорогой отец, возьми меня с собой, я хочу стать таким как ты...

Бывалый чабан нежно погладил сына по головке, утешил:

— Вырастешь сынок, будешь тем, кем захочешь.

Стал всё же Зияутдин во время летних каникул уходить к отцу в горы, вместе с ним стеречь овец. Привык к чабанской жизни, полюбил ее и решил непременно стать чабаном.

В 1945 году Зияутдин настоял, чтобы его послали с отцом на зимние пастбища. Всего лишь пятнадцать лет было юному чабану, а вел он себя, как взрослый... Понравился чабанам юноша, и вошел Зияутдин в коллектив как его равноправный член. Стал он с тех пор зимой и летом пасти овец. А когда курушцы переселились с гор на плоскость и отец Зияутдина — Бекюр Юлчиев — серьезно заболел, пришлось сыну занять место отца — стать старшим чабаном.

— В это время мы находились на Черном рынке и заменяли грубошерстных овец мериносовыми.

Юлчиев вдруг громко засмеялся.

— Вы меня извините,— сказал он.— Я вспомнил одну смешную историю...

— Какую?

— Да о беззубых овцах.

Оказывается в ту холодную зиму, когда Кулиев пригнал из Ставрополя бракованных овец, и курушцы посмеивались над председателем, Юлчиев находился на Черном рынке.

— Теперь,— сказал Юлчиев,— у нас все поголовье состоит из мериносовых овец.

По 108 ягнят от 100 маток сохранил Юлчиев нынче к отбивке. По 6,5 килограмма шерсти с овцы настриг.

Так работает в родном колхозе старший чабан Зияутдин Юлчиев, которого мы встретили в новом костюме и красивой сорочке.

* * *

Мы рассказали только об отдельных курушских переселенцах — маяках. А ведь здесь за последние годы выросло много замечательных людей! Мы не рассказали о свинарках Инжи Алиосмановой — члене горкома партии и Эжебе Максимовой — члене парткома колхоза, которые, объявив бой адатам, повели за собой много девушек на хорошие дела, о молодом инженере Сабире Диярханове, о секретаре сельсовета страстном агита-

торе-общественнике Гатаме Вердиеве, о многих, многих обаятельных, простых и скромных людях, которые своим неустойчивым трудом, всей своей жизнью служат строительству коммунизма.

Кто знает, сколько увлекательных книг напишут о них...

ЗАШУМЯТ САДЫ ЧЕРЕШНЕВЫЕ

Скромность

В Буйнакске, в небольшом домике, окруженном высокими тополями и молодыми вишневыми деревьями, трудятся работники опытной станции плодово-ягодных культур. Хотя на дворе уже стояла зима, в маленьком кабинете заместителя директора по научной части воздух был насыщен ароматом цветов, фруктов и ягод. Здесь моё внимание привлекли большой портрет И. В. Мичурина и щит с рисунками черешни, фотоснимками и надписью: «Лучшие плотномысые консервно-столовые гибриды черешни различных сроков созревания (с конца мая до конца июля), выведенные кандидатом сельскохозяйственных наук Анной Семеновной Покровской. Размножаются питомником станции для производственного испытания в колхозах Дагестана».

— Будьте добры,— обратился я к пожилой, скромно одетой женщине, которая о чём-то тихо разговаривала с молодыми горцами,— как бы мне найти Анну Семеновну...

Женщина посмотрела на меня и улыбнулась.

— Вам нужна Анна Семеновна? — спросила она.
— Садитесь, пожалуйста.

«Она», чуть не произнес я вслух, и мне стало неловко. Почему-то я думал, что кандидат наук Покровская должна выглядеть совсем не так, как эта ничем внешне не выделяющаяся простая русская женщина.

— Я вас слушаю, — снова улыбнулась Анна Семеновна, заняв свое место за столом.

Когда Анна Семеновна узнала, что я хочу написать о ней очерк, она развела руками:

— Что вы, что вы, обо мне нечего писать. Я ничем не отличилась. Вот я вам расскажу о людях опытной станции, хорошие они у нас. Напишите о них. Я вас очень прошу...

В комнату вошел рябоватый мужчина средних лет.

— Вот, например, Роман Григорьевич Цабалов, — представила его Анна Семеновна, — хороший агроном, руководит плодопитомником, пишет кандидатскую диссертацию, много лет был нашим парторгом.

Учёный агроном покраснел.

— Будет вам хвалить меня, — мягко произнес он. — Вы лучше расскажите о своих опытах. Не то я расскажу...

Анна Семеновна бросила на Цабалова строгий взгляд — не спорь, мол. Потом, обращаясь ко мне, сказала:

— Или взять Дмитрия Николаевича Крылова. Со дня основания станции, с весны 1931 года, работал у нас, совсем недавно мы проводили его на пенсию. Замечательный работник.

Анна Семеновна с волнением стала называть имена учёных, энтузиастов садоводства, которые в течение многих лет работали на станции. Она с большой теплотой отзывалась о кандидате сельскохозяйственных наук Кедрине, о ныне покойном почвоведке Карвацком и многих других. Она очень тепло говорила о них и старалась ничего не говорить о себе. Но как она ни старалась, все же не могла обойти себя. Мы узнали из ее рассказа и много интересного о жизни и труде этой женщины.

Вот она начала говорить о людях, поставивших ее на ноги, прививших ей любовь к науке.

— Разве я могу забыть профессора Сергея Васильевича Краинского. Когда в 1926 году окончила Краснодарский сельскохозяйственный институт, меня по настоянию Сергея Васильевича оставили работать на опытной станции института. Занимались мы там выведением различных сортов по методу Мичурина.

По рекомендации моих руководителей в 1929 году меня назначили заведующей опорным пунктом Малевской опытной станции плодово-ягодных культур. Потом я получила приглашение в Дагестан. Это было в начале 1931 года. Много я слышала и читала о величественных горах и плодородных долинах Дагестана, о его неповторимой природе и чудесных людях. Давай, думаю, поеду в страну гор, посвящу себя этому дивному краю.

Вот здесь, в Буйнакске, я и познакомилась с замечательными людьми — Леонидом Сулеймановичем Кучеевым, которого у нас называли душой станции, с Надеждой Владимировной Каменской (она была экономистом), с бывшим заведующим лабораторией Александром Федоровичем Похарьковым... Вместе с ними мы тогда разработали план районирования садоводства Дагестана с учётом природных и экономических условий.

В 1932 году приехал к нам ученик профессора Краинского доцент Новочеркасского сельскохозяйственного института Ильинский. Он стал заниматься селекцией семечковых культур, а я — косточковых.

В те годы нас волновал жизненно важный вопрос — продвижение плодовых культур в горы. Решили мы поехать к Ивану Владимировичу Мичурину, посоветоваться с ним. Приветливо принял нас великий учёный. Со мной были Ильинский и колхозный бригадир из Буйнакского района Кадыров. Мы спросили Ивана Владимировича, какие из своих сортов он может рекомендовать нам.

Старик громко рассмеялся.

— Вам мои сорта! — Помилюйте, у вас же в Дагестане богатейшие сорта фруктов. Изучайте, размножайте их.

— Да, у нас есть, — ответили мы, — и мы начали изучать их, но...

— Значит, — перебил Иван Владимирович, — вы хотите мои сорта? Ну, ладно. У вас есть высокогорные районы. Испытайте их там. Но не забывайте о местных сортах.

Советы великого учёного вдохновили меня. По возвращении из Мичуринска, мы создали экспедицию, которая должна была работать в долине Андийского Койсу.

О том, как впервые молодая русская женщина совершила многокилометровое путешествие по горам и долинам Дагестана, мы немного расскажем своими словами.

Бесстрашие

Глубокой осенью 1934 года в аул Ботлих приехали две молодые женщины с рюкзаками за плечами. Одна из них была экономист Надежда Владимировна Каменская, а другая — агроном Анна Семеновна Покровская. Небольшая хрупкая женщина в брюках галифе и куртке, Анна Семеновна походила на безбородого, светловолосого юношу.

Стоял тихий солнечный день. Хотя на вершинах гор уже серебрился снег, внизу было тепло.

— Благодать, — сказала Анна Семеновна, оглядывая окружающие Ботлих горы и раскинувшиеся в долине пожелтевшие сады. — Жаль, что мы расстаемся с тобой, Надя.

Здесь их дороги расходились: Каменская направлялась в Ахвах, а Покровская — в Цумадинский, Гунибский, Гумбетовский и Тляратинский районы. В Ботлихе Анне Семеновне дали проводника и лошадь. Предстоял большой путь верхом по глубоким ущельям и крутым тропам, по лесистым тропам и скалистым кручам. Более или менее благополучно ехали до Агвали. По пути Анна Семеновна осматривала все плодоносящие деревья, делала себе пометки, записывала местные названия плодов.

В Агвали переночевали, а утром, когда Покровская собиралась сесть на коня, к ней подбежал проводник.

— Яц, сестра, товарищ агроном, у нас есть попутчица.

— Где она?

Анна Семеновне поклонилась женщина средних лет, в широком многоскладчатом, как гармонь, платье. Она несла на спине тяжелую ношу.

— Что несете? — спросила Покровская.

Женщина не поняла, проводник спросил и перевел:

— Яблоки несет, в Шалун, своим детям...

«Видно там нет фруктов,— подумала Анна Семеновна.— Надо поскорей продвинуть садоводство в горы».

— Что же,— сказала Покровская,— пойдемте вместе. Положите мешок на лошадь, Магомед, а мы пойдем пешком.

Проводник удивился.

— Что вы, товарищ агроном, поезжайте верхом, она пойдет рядом с лошадью.

— Слушайте, что вам говорят, Магомед,— сухо произнесла Покровская.

Магомеду пришлось повиноваться.

Вспоминая этот многокилометровый поход, Анна Семеновна с большой сердечностью говорит о людях, живущих в далеких дагестанских горах, о замечательной природе этого края, о результатах экспедиции.

— В Шаури дороги не было,— рассказывает Покровская.— В те дни нам пришлось столкнуться с дорожниками, которые взрывали горы, строили дороги.

— Как будем двигаться, Магомед? — спросила я проводника.

Он поднял голову, посмотрел на узкую тропу, выходящую по склону крутой горы, потом перевел взгляд на подрывников у реки.

— Вы идите берегом. Дорожники помогут вам, если что. Я же поведу лошадь по горной тропе, а то внизу овраги, трещины, лошадь не пойдет...

И действительно, когда мы дошли до строителей, заметили впереди большую трещину, которая преграждала путь не только лошадям, но и людям:

— Что будем делать, Патимат? — спросила я попутчицу.

А проводник уже был высоко, на склоне горы.

— Не робейте! Смелее сюда! — крикнул молодой дорожник. Он стоял на противоположной стороне трещины. Обращаясь к мужчине, работавшему на нашей стороне, он крикнул: эй, помоги людям перейти дорогу.

Сейчас без смеха не могу вспомнить, как этот здоровенный мужчина подбирал нас по одной и, как мячики, перекидывал на ту сторону, а его товарищ подхватывал. Патимат краснела, но молчала. Другого выхода не было. Поблагодарив дорожников, мы продолжали путь

и через несколько километров соединились с проводником.

Когда проходили через какие-то хутора, я видела, как растут дикие яблоньки. Потом мы оказались в полосе лесов. Ах, какие это дивные леса! Здесь растет дикая малина, земляника. Ночевали в лесной сторожке, на шкуре тура.

Когда пришли в Шаури, я осмотрела лесные поляны. Местные жители с недоумением спросили:

— Чего вы хотите?

— Хочу здесь сажать сады.

Все рассмеялись.

— Не будет здесь садов.

— Где у вас растут фруктовые деревья?

— На кладбище.

Мы сходили на кладбище. Вижу здесь растут лесные яблони и курага. Спрашиваю:

— Плоды дают?

— Яблони иногда дают плоды, а курага пропадает. «Да, думаю, значит абрикос здесь не пойдет. Но яблони и груши можно выращивать».

Из Шаури нам надо было ехать в Тлярату.

— Яц, ай сестра,— заволновались местные жители, — куда вы собираетесь? Не дай аллах, несчастье может случиться. Снег выпадет. Впереди мчетлинский хребет. Как поедете?

Я была упряма, не послушалась. Рассердился на меня проводник, но пошел. Он шел пешком, а я ехала на лошади. Утром выпал небольшой снег. Однако он не помешал нам пройти горные леса, хребет. Спустились и снова поднялись, оказались в зоне вечнозеленого рододендрона. Здесь сильно гудел ветер, все замело снегом. Мы потеряли дорогу, заблудились. Я вздохнула, сошла с лошади, было страшно и холодно — ведь уже наступал вечер.

Рассказывая об этом случае, Анна Семеновна назусть прочитала стихотворение Бунина «Хая-Баш» («Мертвая голова»). Я поразился ее памяти.

— На хорошие вещи у меня есть память,— улыбнулась Анна Семеновна.— Вот, например, я помню, что говорили лет тридцать тому назад о черешневых садах Буйнакса. Считалось, что равных им нет во всем Советском Союзе. Но потом запустили здесь сады. Вот

я и решила посвятить себя восстановлению былой славы буйнакских черешневых садов.

Анна Семеновна задумалась, посмотрела на щит с рисунками выведенной черешни.

— Да,— сказала она,— на чем мы остановились... Горы, покрытые снегом, сбивающий с ног ветер, собачий холод и наступающая ночь. Я никогда не забуду, как мы зябли ночью в лесу, а утром, напав на следы человека, спустились в долину.

Мужественно вела себя Анна Семеновна в непривычных и трудных условиях высокогорной местности. Экспедиция завершилась успешно. Результатом исследований явилась диссертация «Плодоводство бассейна Андийского Койсу», блестяще защищенная Покровской в 1939 году в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

После экспедиции начались посадки фруктовых садов во многих высокогорных аулах.

Новатор

Я слушал рассказ Анны Семеновны и время от времени поглядывал на щит с рисунками черешни. Закончив свой рассказ, Покровская спросила:

— Вас интересует черешня?

— Да, хотелось бы узнать, как восстанавливается былая слава буйнакских черешневых садов.

Анна Семеновна встала, посмотрела в окно. За окном густо росли гибриды выведенной ею черешни.

— Сейчас речь идет не только о восстановлении былой славы буйнакских садов,— сказала она,— мы должны создать для консервной промышленности хорошие, стандартные сорта черешни разных сроков созревания.

Покровская подошла к щиту.

— Посмотрите на черешню под номером 151/1. Она выведена путем скрещивания двух разных сортов. Вес ее плода 4,8 грамма, а обычного—2,5 грамма. Такая черешня уже растет в одном из колхозов. Года через два сдадим этот сорт на государственное испытание. Или вот, другой сорт. Созревание раннее. Если вы попробовали бы, какой вкусный компот из нее получается.

Приезжайте к нам во время дегустации! Плоды плотные, сахаристые... А этот сорт позднеспелый...

Анна Семеновна повела нас на опытный участок, где стройными рядами стояли молодые черешневые деревья.

— Вот они наши красавицы,— гордо произнесла Покровская. В колхозе уже растет 500 таких деревьев, на Хасавюртовском сортоучастке — 700. Года через два многие колхозы уже получают саженцы. Я в этом не сомневаюсь.

Анна Семеновна вдохновенно рассказывала о перспективах распространения новых сортов черешни в колхозах и росте новых корпусов консервных заводов, с восторгом говорила о все возрастающих размерах сбора косточковых и семячковых плодов в республике.

Слушая рассказ этой седеющей, но вовсе не стареющей, женщины, невольно приходишь к мысли, что цель её жизни — увидеть Дагестан цветущим садом.

Анна Семеновна Покровская — одна из героев шестидесятых годов нашего века, которые верно служат великому делу строительства коммунизма, творят прекрасное будущее и именно поэтому не стареют. Вся их жизнь — подвиг, борьба за светлые идеалы коммунизма.

ИСКАТЕЛЬ

Любопытный старик

Однажды весной, в дни месячника сада, я заметил на колхозном рынке приземистого худощавого старика в черной папаше. Он ходил по рядам и с любопытством рассматривал саженцы.

— Купи, папаша,— предложил молодой продавец.— У меня есть редкие сорта сливы и груши, посмотри, видал где-нибудь подобное?

— Что? — старик приложил руку к уху.— Не понял я тебя, плохо слышу.

Тот повторил громко, и серо-голубые глаза старика расплылись в улыбке.

— Вы посмотрите на него,— обратился ко мне старик,— а-ай-ай-ай...

Отобрав всё же несколько кустов смородины и китайской розы, старик расплатился с хозяином и сказал мне:

— Приезжай в Ахты, посмотри, какие у меня груши и сливы. Запиши адрес: Клинджев моя фамилия.

Старик прищурил глаза и, немного хромя, понес свои покупки. Фамилию Клинджева я слышал, и мне захотелось остановить любопытного старика, поговорить с ним. Но в это время я встретил знакомого человека, и старик исчез из поля моего зрения. Мой собеседник, заметив, что я оглядываюсь, спросил:

— Что случилось?

— Досадно, упустил интересного старика, поговорить бы с ним...

Но долго огорчаться не пришлось. Возвращаясь домой, я снова увидел старика. Он стоял у ворот дома, где я живу, и внимательно рассматривал свои покупки. Заметив на себе мой пристальный взгляд, Клинджев улыбнулся.

— Одна болезнь у меня есть, кунак, это любовь к растениям,— горячо заговорил он на азербайджанском языке.— Давно увлекаюсь селекцией, много разных деревьев и цветов у меня на приусадебном участке. А вот такого нет.— Он показал на куст китайской розы.— И этого тоже нет, смородиной называется,— пояснил старик.

Он завернул кусты в газету и сказал:

— Здесь живет мой сын, может быть знаешь, Ахед его имя.

— Ахед Агаев?

— Да, да,— обрадовался старик, услышав фамилию сына, он самый. В гостях я у него сейчас. Скоро поеду домой в Ахты. Хорошо там у нас, приезжай, будешь кунаком моим...

С тех пор прошло несколько лет, но о предложении Клинджева я не забывал. Меня заинтересовал его страстный рассказ о любимых растениях и очень хотелось побывать в Ахтах. Однажды в газете появилась заметка о дагестанских мичуринцах. В этой заметке много внимания уделялось тому самому Клинджеву, с которым мне довелось познакомиться несколько лет тому назад. И я ждал случая, чтобы поехать на его родину.

Розы вьются

В знойный летний день самолет доставил нас в Ахты. Большой горный аул, расположенный в обширной долине, где сливаются бурные реки Самур и Ахты-Чай, утопал в зелени садов. Величественные горы, окружающие Ахты, покрылись зеленым ковром. Всю дорогу от аэродрома до Ахтов мы любовались природой, прислушивались к шуму мутного Самура и наслаждались ароматом только что скошенного сена.

Здесь не было той жары, которая одолевала нас в Махачкале. Было солнечно и свежо. Слабый ветерок шевелил зеленые ветви деревьев.

— Па-а, слышите, как поют деревья!

Мы оглянулись. За нами шел лезгинский писатель Кияс Меджидов.

Любуясь красотой родного аула, Кияс сказал:

— Вы слышите, там в кустах поют скворцы. Ах! Как хорошо!

Настроение Меджидова передалось нам, и мы шли не спеша, осматривая окружающие нас роскошные сады. Узкая дорога между садами, огороженными друг от друга дубалами из саманных кирпичей, привела нас к дому Клинджева. Переступив порог, мы столкнулись лицом к лицу со стариком. Всё в той же черной папахе, он стоял во дворе и в одной руке держал секатор, а другой придерживал вьющуюся вокруг большого плодового дерева ветку, на которой раскрывались розы. Клинджев разговаривал с таким же стариком, как сам.

— О-о-о! Хош гельды, кунак! — узнал меня старик, — заходи. Токизбанд, — крикнул он жене, — приготовь чай, гости у нас!

Из-за недостроенного еще дома, окруженного тутовником и грушей, кустами крыжовника и смородины, вышла высокая старуха, за руку поздоровалась с гостями и по лестнице спустилась в полуподвальное помещение.

— Помните маленький кустик, который я купил в тот день на базаре? — спросил старик. — Вот что из него теперь получилось.

Он высоко поднял руку, стараясь показать, как высоко вьются ветки китайской розы, которой раньше не

было у него во дворе. Потом, медленно шагая по двору, он наклонялся над различными кустами и говорил:

— Вот это обыкновенная наша дагестанская роза, а там у меня вдоль канавы растут смородина и крыжовник. Также недавно появились здесь.

— Но это не главное у Гаджимурада-халу,— сказал сосед, назвав Клинджева по имени. — Главное у него — это опыты над плодовыми деревьями. Вы заходите в сад, посмотрите, какие чудеса творятся там...

Мушмала на айве

Приусадебный участок Клинджева невелик. Но каких только растений здесь нет! Маленький участок земли густо населен плодовыми и декоративными деревьями, кустарниками, цветами и бахчевыми культурами. Сплошную тень создали здесь ветви яблони и груши, айвы и мушмалы, миндаля и винограда, черешни и вишни, белой акации и тополя, клёна и вербы... Одних только плодов на участке насчитывается более ста сортов. В большинстве своем деревья здесь молодые.

— Жена ругается со мной, — говорит старик, — ей хочется, чтобы старые деревья оставались на участке, приносили плоды. А мне нужно место для опытов.

Его взгляд вдруг задержался на дереве с большими пушистыми листьями.

— Какое дерево, узнаешь? — спросил он.

— Кажется, айва...

Гаджимурад улыбнулся, подошел к дереву, сорвал маленькую веточку.

— Да, по листьям это айва. А плоды какие? Подойди поближе, взгляни...

На ветках айвы росли крупные плоды мушмалы.

— Теперь посмотри на другую ветку, — предложил старик.

У этого же дерева были другие ветки с маленькими листьями иной формы. На них тоже росли плоды мушмалы, но значительно меньшего размера.

— А теперь, если хотите, поясню, — сказал Гаджимурад. — Эти крупные плоды на ветках, напоминающих айвовое дерево, получились после опыления айвы и мушмалы...

Неподалеку росла яблоня, на которой мы также заметили плоды различной величины.

— На яблоне растут одиннадцать различных сортов, — сказал старик.

В это время к нам подошла круглолицая девушка и вежливо поклонилась. Она принесла коврик, расстелила его на траве и положила по краям подушки.

— Это моя дочка, Мафизат, — кивнул Гаджимурад, — самая младшая, окончила десять классов. Ну, садись, кунак.

Старуха принесла на большом медном подносе завтрак и присела на край ковра.

— Наверно надоел вам мой старик своими рассказами, — произнесла Тюкизбанд, — помешался на опытах. Попросил бы в колхозе кусок земли для опытов. А то нет, у всех людей сад, как сад, у нас же, видите, ногой некуда ступить, везде натканы чубуки, да палки...

Старик посмотрел на жену.

— Кусок земли, говоришь, попросить? Мне и этого хватит.

— Ты забываешь, что у тебя четыре сына, им тоже нужны участки...

— Еруш, сорок лет живешь со мной и не знаешь мой характер.

Жена усмехнулась. Кому, кому, а ей уж известен его характер, готов последнее отдать, а приобретать не думает. Тюкизбанд вспомнила рассказы стариков о том, до каких анекдотических случаев доходила честность мужа.

«Я арестант»

Семилетним мальчиком лишился Гаджимурад родителей. Сначала он вместе со старшими братьями работал у местных кулаков, а потом шестнадцатилетним юношей уехал в Баку на заработки. Долгие годы скитался Гаджимурад по городам и селам Азербайджана, работал на нефтяных промыслах и в сапожных мастерских. Был он тихим и скромным. Такой, как говорится, не обидит и мухи... И вот вдруг неожиданно-негаданно оказался в царской тюрьме.

Это случилось за несколько месяцев до Февральской революции, в одном из нефтяных районов Баку. Гаджи-

мурад, получив заработную плату у хозяина, шел домой. Наступали вечерние сумерки. Дул апшеронский ветер.

— Стой, руки вверх! — раздался позади Клинджева властный голос.

Испугался Гаджимурад. У него в руке был карманный нож, и он поднял руки вверх вместе с ножом. Грабитель, полагавший, что Гаджимурад поднял на него нож, решил вывернуть ему руку. Клинджев и не сопротивлялся. Но грабитель порезал себе руки. В это время собралась толпа. Грабитель закричал:

— Ловите его, он ранил меня!

Что мог сделать Клинджев! Он оказался «виновным» и его засудили. Несколько месяцев просидел Клинджев в тюрьме, но срок еще не вышел. Вдруг по непонятным для Гаджимурада причинам, открываются ворота тюрьмы и раздаются голоса:

— Выходите!

Вместе со всеми заключенными Клинджев покидает тюрьму. Он работает в садах и на виноградниках, потом возвращается в Баку, идет к тюремному зданию.

— Что вам угодно? — спрашивает дежурный надзиратель.

— Я арестант, возьмите меня.

Дежурный удивляется, но впускает Клинджева для выяснения дела. На следующий день Клинджева ведут к начальнику.

— Кто вы такой, почему пришли в тюрьму? — спрашивает начальник.

— Дорогой ага, несколько месяцев назад я был осужден на два года, не отсидел срок и по ошибке меня выпустили.

Громко засмеялся начальник тюрьмы:

— Вы что, неграмотный?

— Всего двадцать один день проучился я, ага. Как умер отец, так бросил учёбу. Не суждено было мне учиться.

— Это и видно, — пробасил начальник. — Ну, вот, что, собери свои вещи и уходи из тюрьмы.

Гаджимурад не поверил.

— Правду говорите?

— Да.

Клинджев низко поклонился и ушел.

Слива и персик

— Вы отдохните, а я немного поработаю, — обратился старик к гостям и, приложив правую руку к бедру, со вздохом поднялся с ковра. Он медленно, чуть прихрамывая, отошел в сторону и нагнулся над какими-то небольшими растениями.

— Посмотрите, что старик делает, — кивнул сосед в сторону Клинджева.

Гаджимурад в это время, набрав в банку воды, взял из кармана несколько кусков сахара, бросил их в воду, размешал и стал поливать растения.

— Что это?

— Всё опыты, — улыбнулся сосед.

Мы подошли к старику. Он приподнял голову, посмотрел на нас.

— Здесь я посадил несколько саженцев персика, — сказал Клинджев. — Они уже растут. Хочу испытать влияние сахара на рост саженцев, поливаю сахарным сиропом. Посмотрите, вот эти, что повыше ростом, поливались сладкой водой, а эти обыкновенной. Что дальше будет, пока не знаю...

— Все ищет, — уважительно заметил сосед, поглядывая на старика.

Отойдя в сторону, Клинджев сказал:

— Обратите внимание на эти деревья.

Что же это были за деревья? На ветке обыкновенного персикового дерева висели плоды, напоминающие местный сорт сливы «гавалу» — круглые, красноватые. Однако это были не сливы.

— Это персик, но без пушка, — пояснил Гаджимурад. — Получил я его путем скрещивания персика со сливой...

Гаджимурад Клинджев — потомственный садовод. Ему рассказывали, как еще дедушка привез из Закавказья в Ахты различные саженцы груши и яблони. Гаджимурада с малых лет приучали ухаживать за растениями, любовно растить фруктовый сад. Но очень рано лишившись родителей, он покинул родной аул, странствовал по городам и селам Закавказья. После установления Советской власти вернулся домой, и когда организовали колхоз, охотно стал работать на плодовом питомнике, выращивать для колхоза саженцы мичурин-

ских сортов яблонь и других деревьев. Правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени.

— Теперь я постарел, кунак, — сказал Клинджев. — Скоро восемьдесят лет. Ушел на пенсию, и как видишь, увлекаюсь опытами.

Он отвернулся в сторону арыка, около которого рос тополь.

— Пойдем, покажу одну вещь...

Издали доносился шум Ахты-Чая. Он особенно был заметен на фоне царившей в саду тишины.

— Вот тополь, а рядом дерево мушмалы, — сказал старик. — Хочу скрестить мушмалу с тополем, бесплодным деревом.

Гаджимурад нагнулся к деревьям и показал, как прорезал ветку тополя, провел через нее отросток от ветки мушмалы, и он теперь растет...

— Какие результаты будут, еще не знаю, — произнес Клинджев. — Поживем, как говорится, увидим...

— Яда, эй, киши, хватит тебе мучать людей, будто им не о чём думать, кроме твоих фокусов!

Это кричала старуха.

— Вы слышите? — спросил Клинджев. — Сорок лет пилит меня и не устает.

Сказал со вздохом и тут же рассмеялся.

Цена дождя и быль о Надир-шахе

Ночью мы спали в еще окончательно не отстроенном доме Клинджева. Окна были открыты настежь. Разбудил нас сильный дождь, брызги которого, ударяясь о подоконник, летели на кровать. Было еще очень рано, только что рассвело. Но старик уже стоял у дверей и внимательно оглядывал потемневшее небо, которое будто вот-вот сядет на вершины гор, смотрел, как купаются под проливным дождем его саженцы и цветы.

— А нужен ли сейчас этот дождь? — спросил я старика.

Он оглянулся, потрогал свой подбородок и улыбаясь произнес:

— Ты спрашиваешь, кунак, нужен ли сейчас дождь? Э-э-э, кунак, цены нет ему сейчас...

Немного подумав и что-то вспомнив, он добавил:

— Ты должно быть слышал про Надир-шаха, был такой завоеватель здесь, кажется двести лет назад или еще раньше. Говорят он построил в горах большой дворец и решил пригласить учёных архитекторов, чтобы те оценили его дворец. «Кто правильно оценит мой дворец, тот получит награду», — обещал шах. Узнали о намерении шаха архитекторы и прискакали в горы. Ехали мимо молодого чабана, который пас хозяйскую отару.

Подъехали верховые к дворцу и видят: негде привязать лошадей. Тогда они отъехали назад, попросили чабана присмотреть за конями, а сами направились во дворец.

— Ва салам алейкум, наш всемогущий шахин-шах, — сказали архитекторы, — приехали оценить твой величественный дворец.

Пригласил шах архитекторов в свои хоромы. Тем временем молодой чабан смотрел за лошадьми. И вдруг видит чабан: возвращаются из шахского дворца незнакомцы, раздраженные, мрачные.

— Позвольте вас спросить, господа, — сказал чабан. — Шли вы в царский дворец веселые, жизнерадостные, а возвращаетесь скучные и спорите друг с другом. Не обидел ли вас шах, мои дорогие ага?

— Обидел, — ответил один. — Пригласил нас оценить дворец. Нас несколько человек и каждый по-своему оценил. Не понравилось шаху. Выслушал нас и прогнал.

Дождался вечера молодой чабан, загнал овец в кошары и побежал к своему отцу.

— Отец, скорей одевайся, пойдем к Надир-шаху...

— Зачем, сын мой, какие дела связывают нас с шахом?

Чабан рассказал отцу, зачем приглашал шах специалистов, и как они сконфуженные уехали.

— Ты хочешь, чтобы Надир-шах и над нами поиздевался? — спросил старик.

— Нет, не спорь, отец, пойдем...

Пришли отец и сын во дворец шаха.

— Что вам угодно? — спросил шах, с презрением оглядывая старика и его сына.

Те молчат.

— Немые что ли?

Молчат. Шах начинает гневаться. Тогда старик, молча показывает шаху свой указательный палец.

— Нет, нет, — перебивает отца молодой чабан и показывает полпальца.

— Что всё это значит? — хмурится шах.

Молодой чабан, опускаясь на колени, отвечает:

— Всемогуший шах, ты хотел узнать, какова цена твоему дворцу. Отец поднял палец. Он хотел сказать, что цена твоего дворца равна цене одного дождя. А я перебил его, показал пол-пальца. Один дождь очень много стоит. Хватит и половины одного дождя. Ты же знаешь, великий шах, что один дождь утоляет жажду многих тысяч десятин пашни и лугов, пастбищ и садов. А напоенные влагой земли дают миллионы пудов хлеба и винограда, яблок и черешни, вдоволь кормов получают многочисленные отары овец и стада коров. А это — мясо, молоко, шерсть, одежда и обувь для людей. Вот что значит один дождь! Разве есть что-либо дороже для человека!? Вот почему, дорогой шахин-шах, мой бедный отец приравнял цену твоего дворца к цене одного дождя.

Вслушал шах молодого чабана, обрадовался, спросил:

— Хурджины принесли с собой?

— Нет, дорогой шахин-шах...

— Тогда открой карманы.

И он наполнил карманы чабана деньгами...

Вспомнив быль о Надир-шахе, Клинджев сказал:

— Вот, дорогой кунак, что значит дождь...

Постепенно дождь стихал и ветер разгонял собравшиеся над Ахтами тучи.

— Скоро прояснится, — заметил Гаджимурад, — умывайтесь, будем чай пить...

Камень и яблоня

Во дворе Клинджева наше внимание привлекли к себе камни под большой яблоней.

— Не успеваете убирать? — спросил я хозяина.

— Зачем убирать, кунак, они мне не мешают...

— Яда, эй, Гаджимурад, — обратился к нему сосед. — ты расскажи кунаку, как эти камни спасли твою яблоню.

Это было так. Много лет дерево давало хорошие плоды. Ему бы еще расти, развиваться и давать большие урожаи. Но почему-то отдельные ветки начали сохнуть, а плоды становились всё меньше и меньше.

— Эй, киши,— заволновалась Тюкизбанд,— ты и так все крупные деревья вырезал, осталась одна яблоня, теперь и она начинает погибать. Что будем делать?

Приуныл Гаджимурад. Не потому, что он понесет какой-то материальный ущерб, нет. Ему, как опытному садоводу, хотелось во что бы то ни стало найти причину болезни дерева, вылечить его. И после долгих поисков он порадовал жену.

— Ты знаешь, Тюкизбанд, я нашел, отчего сохнет наша яблоня.

— Отчего?

— От нехватки воды, моя ханум...

— Не шути! — обиделась старуха.

— Какие тут шутки, посмотри, как выросло дерево! А под землей оно далеко пустило свои корни. Вода, которой мы поливаем сад, не доходит до корней яблони, бедная и горит...

— Что же надо делать? — спросила старуха.

— Ты погляди, что сделаю я. Только позови мне Джамала и принеси две лопаты.

Джамал — это младший сын Клинджева. Он тогда учился в десятом классе. Пришел Джамал, принес лопаты, и начали отец и сын копать глубокую яму около яблони. Потом провели от арыка до ямы борозду, пустили воду. Почва стала пропитываться влагой. Много воды впиталось в землю.

— А теперь закроем яму камнями,— сказал Гаджимурад.

— Это зачем? — спросила жена.

Клинджев покачал головой.

— Эй, жена, сколько тебя учу... Камень не пропускает через себя тепло. Земля вокруг яблони теперь сырая, пропитана водой. Если закроем камнями, влага сохранится, корни будут питаться и дерево выживет. Поняла?

Ухаживая так за яблоней, Клинджев спас её от гибели. Теперь на ней, как и прежде, растут крупные сочные яблоки, а урожай увеличился.

— Вот почему, дорогой кунак, под деревом лежит

куча камней,— сказал сосед Клинджева.— Камни, оказывается, тоже помогают садоводам.

Отец — практик, а сын — учёный

В Ахтах стояли солнечные дни. В садах созревали тут и черешня. Два сорта тута растут на одном дереве у Клинджева — белый, сладкий как мёд, и черный кисло-сладкий.

Мы стояли под деревом, и старик рассказывал, как он привил к черному туту белый сорт. В это время в сад вошли два молодых человека и поклонились Клинджеву — Это студенты из Махачкалы,— указал на юношей Клинджев.— Сын прислал их ко мне, Махмуд. В университете преподает, учёный...

Потом, взглянув на студентов, сказал:

— Пойдемте, покажу вам делянку Махмуда.

В середине сада небольшой открытый участок земли был огорожен с четырех сторон длинными палками. На этой делянке, напоминающей поляну в густом лесу, росла пшеница. Она уже находилась в стадии восковой спелости. Колосья пшеницы были крупные, стебли высокие.

— На этой делянке проводит опыты мой сын Махмуд,— сказал старик,— а я помогаю ему, ухаживаю за растениями, делаю наблюдения.

Старик вынул из кармана завернутые в бумагу семена и продолжал:

— Вот видите, он прислал эти семена арахиса, попросил, чтобы я посеял их.

Несколько лет продолжают опыты кандидата биологических наук Махмуда Агаева. Что же это за опыты, над чем работает молодой учёный? Уже давно высказывались предположения о том, что в горных условиях растения быстрее подвергаются изменениям. Сочетая преподавательскую работу в университете с исследовательской, Агаев в 1957 году организовал опыты на приусадебном участке отца.

— У нас и так весь участок утыкан палочками,— сердилась мать,— а ты тоже еще придумал какие-то опыты...

Махмуд, по природе застенчивый человек, не стал спорить с матерью, а только исподлобья посмотрел на отца.

— Еруш,— бросил недовольный взгляд на жену Клинджеву,— ты забыла наши разговоры о Мичурине, разве он думал о своей личной выгоде?

Кстати, Клинджев часто, когда заходит речь об опытах на его участке, вспоминает великого преобразователя природы. Хотя Гаджимурад и не получил образования, но самостоятельно научился читать и подробно ознакомился с деятельностью Мичурина. Услышав реплику отца, Махмуд обрадовался.

— Пусть наш сын производит опыты,— заключил старик,— а мы будем помогать ему...

Свои опыты молодой учёный начал осенью 1957 года. Одновременно он посеял одни и те же сорта пшеницы в Махачкале и Ахтах. Ухаживать за делянкой он попросил отца.

В Махачкале мы встретились с молодым учёным, и он рассказал о первых результатах своих опытов:

— В отличие от условий Махачкалы,— сказал Махмуд Гаджимурадович,— в горах яровая пшеница успешно перезимовала, как и озимая. Семена подверглись изменению, стали более крупными. У некоторых растений значительно увеличился колос, а в каждом колосе было по 50—60 зерен. Всё это, конечно, имеет большое практическое значение для повышения урожайности зерновых в условиях горной местности.

В семье Клинджева не только один Махмуд Гаджимурадович пошел по стопам отца. Любовь к растительному миру Клинджев передал всем своим детям.

В Ахтах еще не было колхоза, и Гаджимурад ухаживал за старым садом, оставшимся от отца. Здесь он и начал свои первые опыты по скрещиванию различных сортов яблони и груши. У Гаджимурада не было помощников, и ему стала помогать Тюкизбанд.

Появились дети. Первые были мальчишки. Как только становились на ноги, они бегали за отцом в сад. Там играли они, там росли, там видели, как неустанно работает их отец. Росли дети, и руки их тянулись к деревьям.

— Будущие мои помощники,— говорил Гаджимурад.

И правда. Вскоре в Ахтах организовали колхоз. Гаджимурад, один из первых членов артели, заложил колхозный плодопитомник. Много тысяч саженцев вырастил опытный садовод, все они теперь плодоносят в кол-

хозных садах. Выращивать саженцы отцу помогали дети. Еще Махмуд и в школу не ходил, а уже научился делать окулировку и прививки. Потом всё свободное время проводил в садах, помогал выращивать саженцы.

Полюбил Махмуд растениеводство. Окончив среднюю школу, он решил непременно стать биологом. Успешно учился на естественном факультете, потом его направили в аспирантуру. Теперь сын старого практика — кандидат биологических наук.

Пример старшего брата зажег и Джемала. Будучи школьником, он выращивал саженцы, на участке отца производил опыты на различных деревьях. Вместе с учителями он успешно производил опыты и на пришкольном участке. Недавно Джемал окончил среднюю школу и сейчас служит в Советской Армии.

— После увольнения в запас он тоже пойдет по линии Махмуда, — говорит старик.

Дочь Клинджева — Мафизат ни в чём не уступает братьям — бойкая, подвижная и жизнерадостная, она не знает усталости. Мы видели, как Мафизат быстро взбиралась на деревья и смело прыгала с них, как хорошо она владеет лопатой и умело держит в руках секатор.

— Единственная моя помощница, которая осталась дома, — сказал Клинджев, показывая на дочку, работающую в саду. — Скоро и она уедет учиться. Что я буду делать?

— Перестанешь резать деревья, — сказала жена.

— Нет. Мы с тобой еще поработаем, жена...

Запах акации

Летний день был на исходе. Солнце уже спряталось за высокими горами. Небо над Ахтами было чистое, на нем начинали мигать одинокие звёзды.

В этот вечер здесь было свежо и тихо. Мы шли по улице с Джамалом Меджидовым, артистом Лезгинского театра, гостившего в эти дни в Ахтах, и с наслаждением дышали воздухом, наполненным приятным ароматом.

— Как хорошо пахнет, а? — произнес с восхищением Меджидов. — Кругом акации и клёны. Красиво стало здесь.

Потом, оглянув площадь перед Домом культуры, сказал:

— Вы знаете, несколько лет назад, когда я работал в Доме культуры, здесь негде было спрятаться от солнца. И это в Ахтах — селении, которое утопает в садах. Даже смешно... И вот иду я как-то из дому на работу и слышу разговор стариков: «Кругом сады, а самое культурное место селения без зелени». Оглядываюсь, вижу знакомых стариков и среди них Клинджева. «Яда, эй, Джемал,— кричит старик,— разве трудно посадить несколько деревьев вокруг клуба?»

Остановился я, поклонился старикам и говорю: «Нет, Гаджимурад-халу, не трудно, но у нас нет саженцев. Скоро получим деньги, приобретем саженцы и будем сажать». Старик недовольно покачал головой. «Как не стыдно говорить о деньгах,— упрекнул он меня.— Приходи ко мне и забирай сколько тебе надо саженцев, не нужны мне деньги твои!»

Как видите, саженцы выросли и большие деревья украшают центр Ахтов.

— Чего там говорить,— вмешался в разговор один из молодых ахтынцев,— почти все деревья, которые вы здесь видите, выращены с помощью Клинджева.

Мы продолжали свою экскурсию по Ахтам и наслаждались запахом акаций.

Творческий подход

Клинджев работал в саду.

— Сабах хэйр, Гаджимурад-халу.

Старик оглянулся. Около него стоял полный человек средних лет, в летнем костюме и белой шляпе.

— Сабах хэйр, кажется это Нурмагомед,— обрадовался старик,— хош гельди!

Нурмагомеда Эмирова давно не видел Клинджев. Коренной ахтынец, Эмиров живет в Махачкале, преподает историю в университете и только в дни летних каникул приезжает в родной аул, на отдых.

— Пойдем в дом,— предложил Гаджимурад.

— Спасибо, я к тебе по делу,— сказал Эмиров.— Посоветоваться хочу...

Он развернул небольшой сверток и показал старику маленькую ветку груши, на которой в нескольких местах была белая плесень.

— Не пойму, Гаджимурад-халу, всё дерево покрыто такой плесенью, что это?

Старик прищурился, внимательно рассмотрел:

— Заболело дерево,— ответил старик.— Знаешь отчего? От паров перегнившего навоза и от сырости. Видно вносили навоз в сыром виде, а надо бы сначала подсушить на солнце.

— Что теперь делать? — спросил Эмиров.

— Нужно посыпать дустом вокруг дерева и намотать ветки керосином. Всё пройдет. У меня тоже были такие случаи, всё обошлось благополучно.

— Спасибо, халу,— поблагодарил гость и, с любопытством осмотревшись, сказал:

— Как густо, Гаджимурад-халу, у вас стоят деревья. Ведь агрономы рекомендуют сажать деревья на расстоянии десяти метров друг от друга. И в шахматном порядке...

Старик взял гостя за руку, посадил рядом с собой на траву.

— Ты прав, по инструкции требуется десять метров расстояния между деревьями. Но инструкцию тоже надо умело применять.

Он нагнулся и поднял ком сырой земли.

— Ты вырос в Ахтах и знаешь, какая у нас почва. Она быстро высыхает. Если в наших условиях деревья будут стоять на расстоянии десяти метров друг от друга и еще в шахматном порядке, тень займет небольшую площадь, только вокруг деревьев. А вся остальная площадь под лучами солнца будет быстро высыхать и даже высасывать влагу из-под деревьев. Отсюда вывод: надо создавать тень, сохранять влагу в почве. А как?

Старый садовод предложил сокращать расстояние между деревьями, учитывая почвенные условия Ахтов, до 8—7 метров, сажать деревья и в центре квадрата.

Это предложение в своё время Клинджев высказал на правлении сельхозартели. Колхозники обсудили его, учли доводы Гаджимурада и стали сажать деревья на расстоянии восьми метров друг от друга. Если раньше колхоз имени Агасиева имел на каждом гектаре земли по 100 деревьев, то теперь — по 156—160. А на своём приусадебном участке Клинджев еще больше сгустил деревья. От этого урожай не уменьшился, а наоборот, увеличился.

— Указания агрономов,— заметил старик,— надо выполнять не вслепую. На все случаи жизни инструкции не придумаешь. Вспомните, как работал Мичурин.

Эмиров внимательно слушал старика.

— Спасибо за консультацию, Гаджимурад-халу...

— Ты заходи еще, Нурмагомед, не уезжаешь ведь пока...

— Зайду, непременно зайду...

О чем думал научный работник

В Ахтынском аэропорту я ждал самолет.

— Вы тоже в Махачкалу? — спросил меня незнакомый молодой человек.

— Да.

— Тогда полетим вместе.

Молодой человек оказался работником научно-исследовательского института сельского хозяйства Б. Менафовым, и мне очень приятно было поговорить с ним об ахтынских садах, о селекционной работе, проводимой здесь институтом. Потом, когда речь зашла о практиках и я назвал имя старика Клинджева, молодой научный работник сказал:

— Я знаю Клинджева, мой отец тоже старый садовод, но Гаджимурад старше.

Но меня интересовал не возраст стариков, а их опыт, с которым должны ознакомиться наши ученые.

— Вы знаете,— нехотя произнес Менафов,— об опытах Клинджева много говорят, но...

Он задумался. В это время приземлился самолет, и пассажиры стали готовиться к посадке. Наша беседа с молодым учёным не закончилась. Но хотелось, чтобы опыты, произведенные неутомимым стариком, не пропали даром.

ГЮЛЬБООР

В это январское утро в Дербенте было по-весеннему тепло. На востоке, над синим Каспием, поднимался темнокрасный диск солнца, и его лучи падали на зеркальную поверхность воды. Люди, прибывшие на виноградники, радовались теплу январского солнца. И это прибавляло им бодрости.

Спорилась работа на участке звена Героя Социалистического Труда Гюльбоор Давыдовой. Не уступали друг другу в работе семидесятилетний подрезчик лоз Исак Мелихов и молодой перекопщик Шамаил Шамалилов, старательно трудились пожилые колхозницы и юные девушки.

К концу подходила подрезка лоз. Тщательно осматривал каждый куст опытный виноградарь Исак Мелихов. «Семь раз отмерь, один раз отрежь», — повторял он много раз народную поговорку. В этот день ему действительно приходилось по семь раз отмерять каждую лозу. Участок состоял из молодых кустов, и у старика временами закрадывалось сомнение — достаточное ли количество глазков он оставляет на лозах.

— Гюльбоор, можешь ли ты подойти сюда? — спросил старик.

Гюльбоор Давыдова работала с поливальщиками. Услышав, что её зовут, она поправила на голове большой теплый платок и поспешила к Мелихову.

— Ты извини меня, Гюльбоор, что я отрываю тебя от работы.

— Что вы, Исак, говорите, чем я могу быть полезна? — и она посмотрела на старика, на его большую седую бороду.

— Вот на этой лозе, — сказал Мелихов, указывая на молодой куст «нармы», — мне кажется, надо оставить побольше глазков, она сильная, не правда ли? Как ты посоветуешь?

Не первый раз опытный виноградарь обращался за советом к звеньевой. Гюльбоор давно знала Мелихова как умного, добросовестного и знающего своё дело человека. И оттого, что такой специалист считается с её мнением, обращается к ней за советом, она чувствовала в душе радостное волнение. В эти минуты ей невольно вспомнились первые дни колхозной жизни.

...Было начало 1928 года. До середины марта держались холода. Во второй половине месяца пошел снег. Он падал большими хлопьями на плоские крыши саманных домиков селения Хошмензиль. В одном из таких домиков, на земляном полу, около железной самодельной печки, на корточках сидела смуглая женщина. Она по-мужски резкими движениями перебирала дрова. Это была молодая вдова Гюльбоор Давыдова. Рядом с ней сидели ее сыновья — восьмилетний Рувин и пятилетний Давид.

— Потерпите, детки, еще немного и будет тепло, — говорила Гюльбоор, — скоро согреется чай...

В эту минуту открылась низенькая дверь. Впуская в комнату холодный воздух, вошла соседка Милько.

— Доброе утро, Гюльбоор, а я думала, что ты уже ушла.

— Утро доброе, Милько, — ответила Давыдова, — пройди в комнату, садись. Куда мне идти в такой холод? Разве пойти в лесхоз, попросить какую-нибудь работу?

Милько, не снимая латаных остроносых галош, проговорила:

— Разве ты ничего не знаешь? Ведь у нас в Хошмензиле организовался колхоз.

— Колхоз? — переспросила Гюльбоор, что-то припоминая. Она слышала о том, что в соседнем селении уже второй год крестьяне работают сообща и от этого много выиграли бедняки. Но о колхозе в Хошмензиле еще не знала.

Обрадованная хорошей вестью, Гюльбоор чуть не забыла о завтраке детям. Она быстро встала и собралась было идти. Её остановил младший сын.

— Мама, а кушать будем?

— Ой, сейчас, сынок.

Накормив и напоив детей, Гюльбоор вместе с соседкой направилась в правление вновь организованного колхоза «Новая жизнь».

— Вот радость нам, вдовушкам! Теперь не будем искать работы, вступим в колхоз и будем трудиться сообща,— говорила Гюльбоор.

Женщины не шли, а почти бежали по неровным, узким улочкам селения, преодолевая глубокие сугробы. Но в правлении колхоза их ожидало горькое разочарование. Ягуда, первый председатель сельхозартели «Новая жизнь», сказал:

— Мы женщин пока не можем принять.

— Что вы, Ягуда, опомнитесь,— чуть не заплакала Гюльбоор,— у нас дети...

— Но мы, мужчины, не обязаны работать на вас. Вы не сможете поспевать за нами. А доход придется делить поровну...

Женщины опустили головы. Гюльбоор не могла вымолвить ни слова, будто язык отнялся. Она думала: «Разве я виновата, что родилась женщиной?» Перед глазами одна за другой пробежали картины безрадостного детства, сиротской жизни, тяжелой, изнурительной работы у кулаков.

Не стерпела Гюльбоор. Высоко подняв голову, посмотрела она на председателя колхоза и спросила:

— Это ваше решение о женщинах или сверху есть приказ?

— Никакого приказа нет. Колхоз создали мы. Это наше решение.

— Ну, это мы еще посмотрим!

Женщины вышли из конторы, не попрощавшись с председателем.

Ни отказ в приёме в колхоз, ни оскорбительные слова председателя о женщинах не обескуражили Давыдову. «Мы создадим свой колхоз», — решила она.

И однажды в маленькой сакле Гюльбоор Давыдовой собралось 14 женщин. Сидели они вдоль стены на земляном полу, застланном серым старым паласом. Все женщины были вдовами — у одних мужья не вернулись с фронта Первой мировой войны, у других погибли во время гражданской войны, у третьих, как у Давыдовой, умерли дома. Женщины решили организовать артель и просить райисполком выделить им землю. Они уже и название дали своему колхозу — «Красный батрак».

...В начале апреля, когда весеннее солнце манило людей на волю, многие жители селения Хошмензиль были удивлены необычным зрелищем. С рассветом над аулом пронесли звуки веселой жизнерадостной песни. Пели женщины громко, задорно, как на свадьбе. Нет, это не свадьба была в Хошмензиле. Это группа женщин, объединенных в сельхозартель «Красный батрак», под руководством Гюльбоор Давыдовой направлялась на работу. Впереди шла пожилая женщина с красной парчой в руках, а рядом с ней молодая крестьянка играла на бубне. Гюльбоор, подзадоривая подруг, запевала все новые и новые песни.

— Бабы с ума сошли! — говорили старики, наблюдавшие за шествием.

— Выйдет ли из этой затеи что-либо? — сомневались другие.

Не долго пришлось сомневаться маловерам. Через несколько дней по аулам Хошмензильского сельсовета прошла молва о том, что четырнадцать женщин, объединившихся в колхоз, в короткий срок и по всем правилам засеяли свои поля и готовы оказать помощь соседнему колхозу.

Весть эта дошла до людей через председателя сельсовета. Однажды он решил побывать на колхозных полях. Ознакомившись сначала с тем, как идут дела в колхозе «Новая жизнь», он пригласил с собой председателя сельхозартели Ягуду и вместе с ним направился на участок колхоза «Красный батрак». Они шли

вдоль быстрой извилистой речки Рубас-Чай, разделявшей пахотные земли двух колхозов. С запада, со стороны табасаранских гор, дул свежий ветер. Председатель сельсовета, пожилой, высокий мужчина с черными усами всю дорогу молчал.

— Посмотри, Ягуда, это не они ли за речкой?

— Как будто они,— нехотя ответил Ягуда.

Перебравшись вброд на противоположный берег Рубас-Чая, они увидели женщин.

Председатель испытующе посмотрел на Ягуду.

— Да,— произнес Ягуда.— Видно, ошибку допустил.

— Еще не поздно исправить её.

Мужчины подошли к женщинам, поздоровались и пожелали успехов в работе.

— Горжусь вами! — сказал Давыдовой председатель сельсовета.

Гюльбоор немного смутилась. А её подруга Милько крикнула:

— Мы еще посоревнуемся с колхозом «Новая жизнь»!

— Думаю, что не придется,— ответил председатель сельсовета.

И действительно, не пришлось. Возвратившись в селение, Ягуда собрал членов правления колхоза, рассказал о дружных и трудолюбивых женщинах и предложил пригласить их в свой колхоз. Слияние колхозов состоялось через несколько месяцев, после снятия урожая. Это был большой праздник в Хошмензиле.

...Теперь, вспоминая эти дни, Давыдова говорит: «Вот как меняется жизнь!»

— Гюльбоор,— снова обратился к звеньевой старик Мелихов.— Не подумай обо мне плохо, я ценю тебя, хотя ты и моложе меня. Это дурные люди не видят в женщине силу.

— Спасибо, Исак,— тихо сказала Гюльбоор.

И они вместе решили, сколько оставить глазков на молодом виноградном кусте, как лучше сделать подрезку.

Дружно работало звено Давыдовой. Урожаю угрожала большая опасность. Суровая зима, сильные морозы не могли не принести вред виноградникам. И Гюльбоор Давыдова была встревожена не меньше, чем все члены ее звена. Но никто не растерялся. Обсудив

положение, они быстро приняли меры к спасению виноградных кустов. Поочередно дежуря, колхозники зажигали костры из соломы и навоза и обогревали виноградники. Долго тянулась зима. Безустали работали колхозники и из борьбы с суровыми силами природы вышли победителями: виноградники были спасены.

Гюльбоор горячо благодарила своих товарищей за самоотверженный труд.

— А теперь,— говорила она,— надо хорошо ухаживать за виноградниками, и мы получим высокий урожай.

Виноградари вырастили богатый урожай. С каждого гектара звено собрало по 190 центнеров отменного винограда.

...В колхозном клубе состоялось собрание. На трибуну поднялась плотная, среднего роста, пожилая женщина. На её груди сверкали орден Ленина, Золотая Звезда, депутатский значок и золотая медаль участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Это была Гюльбоор — женщина смелой мысли и непреклонной воли.

С тех пор прошло несколько лет. Колхозники сельхозартели «Путь к коммунизму» с почётом проводили Давыдову на заслуженный отдых и установили ей хорошую пенсию. Сидеть бы ей теперь дома, отдохнуть на старости лет. Но не такова Гюльбоор. Не только в ясные дни, но и в непогоду не сидится ей дома.

...Моросил осенний дождь. Гюльбоор одиноко сидела дома и смотрела в окно. О многом думала она в эти минуты, вспоминала своё безрадостное детство, когда осиротевшей, двенадцатилетней девочкой гнула спину на кулаков, первые радости: замужество, начало колхозной жизни, вспомнила сыновей, которые погибли на фронте, и сердце материнское сжалось. Старухе стало грустно. Вытирая глаза платком, она встала, накинула на себя болшую шерстяную шаль и вышла на улицу.

— Куда в такую непогоду? — спросила соседка.

— В колхоз, к председателю, к парторгу...

Соседка удивилась. «И чего ей не сидится дома,— бросила женщина вслед ей.— Уже и на пенсию ушла, а всё колхозом живет. И надо же родиться такой!»

А Гюльбоор в это время шла своим обычным твёрдым шагом и явилась в контору колхоза, как в родной дом.

— Это ты Гюльбоор? — спросил председатель. — Добро пожаловать. Присаживайся. — Потом, улыбнувшись, добавил: хорошо что пришла. Сам хотел зайти к тебе, дело есть...

— Дело? — удивилась Гюльбоор. — Ко мне, Азиз?

Предложив Давыдовой стул, председатель сказал:

— Неприятная история, Гюльбоор. Не убраны еще кормовые корнеплоды, начинаются осенние работы на виноградниках, а людей не хватает.

— Где же люди?

Дело в том, что в минувшем году колхоз получил низкий урожай винограда. По сравнению с предыдущими годами снизился вес трудодня. Это повлияло на настроение некоторых колхозников, и они стали нарушать трудовую дисциплину.

— И чаще всего, — заметил председатель колхоза, — не выходят на работу женщины.

Задумалась Давыдова, взглянула на собеседника.

— Хорошо, Азиз, я обойду всех женщин, соберу их, поговорю с ними.

В разных местах города живут колхозники сельхозартели «Путь к коммунизму» — одни на северо-западе, в новом благоустроенном поселке «Каср-ари», другие на западной окраине, примыкающей к виноградникам, в новых двухэтажных домах и особняках, третьи в центре города и у самого берега Каспийского моря... Не считаясь со своими годами, отказавшись от машины, Гюльбоор поспешила прежде всего к колхозницам, живущим поблизости.

На дворе уже прояснилось, из-за облаков выглядывало солнце.

Приветливо встретила Давыдову пожилая колхозница Мозолта Авнилова.

— Заходи, Гюльбоор, какими судьбами?

— Пришла ругаться с тобой...

— Ругаться? — Разве я чем-нибудь тебя обидела?

— Да, обидела, — сказала Давыдова.

— Ты сначала садись, потом будешь ругаться...

— Я сяду, не беспокойся, — заметила Гюльбоор. — Скажи мне, Мозолту, сколько лет как ты потеряла мужа?

Мозолту изменилась в лице, испугалась: «Что за вопрос, может быть какие-нибудь сплетни?!»

— Ну, чего молчишь?

— Ты же знаешь, он погиб на фронте.

— Да, погибли и мои сыновья. Но мы с тобой не осиротели. Нас колхоз поддержал, поднял на ноги, колхоз помог тебе обучить и вырастить дочь, жить по-человечески. А ты чем отплачиваешь колхозу? Почему на работу не выходишь?

Теперь Мозолту поняла, к чему сводится разговор. Она облегченно вздохнула.

— Тетя Гюльбоор, я бы пошла работать... но знаете, как мало дают на трудодни.

— Мало,— усмехнулась Гюльбоор,— а кто виноват? Сами. Плохо работали, плохо ухаживали за виноградниками, мало и получили. Вот так будешь сидеть дома, пожалуй, и того не получишь...

Авнилова, как и другие колхозники, с большим уважением относится к Давыдовой, а поэтому и не стала возражать ей.

— После обеда приходи в клуб, решим как быть,— сказала Гюльбоор.

Давыдова обошла много домов, беседовала с различными по характеру людьми, и после обеда женщины заполнили колхозный клуб. Говорили о неудачах прошлого года, об ошибках, о трудовой дисциплине, о том, что требуется от колхозников в эти дни.

— В колхозе не хватает кормов,— заявила Гюльбоор,— а двадцать пять гектаров кормовой свеклы не убраны. Что будем делать?

— А ты пойдешь с нами? — спросила колхозница Мирав.

...Утро выдалось ясное, сухое, солнечное. Председатель колхоза с благодарностью смотрел на Давыдову, которая вместе со всеми колхозницами собиралась ехать в поле. В этот день сорок женщин, вдохновленные Давыдовой, дружно взялись за дело. Закаленная в труде, Гюльбоор не только не отставала от молодых колхозниц, но сама подавала им пример. По полторы—две нормы выполняли горянки. За неделю женщины убрали всё поле, и коммунистка Давыдова была рада, что с честью выполнила поручение партийной организации и правления колхоза.

Не может старая труженица видеть себя вне коллектива. Одиночество тяготит ее. Она всегда в строю, всегда с людьми. В этом она видит своё счастье.

ПАРАУЛЬСКИЕ МАЯКИ

Вечно живой и молодой

В кумыкском селении Параул впервые мне довелось побывать весной 1961 года. Мне казалось, что Параул предстанет передо мной утопающим в цветущих садах, окруженным зеленым ковром лугов и пастбищ, по-весеннему нарядным. Но нет. Еще издали, проезжая лежащий на пути аул Гили, я заметил впереди на холме много высоких домов с плоскими крышами, серовато-желтые горы, а вблизи аула — поля, покрытые слоем соли... Бедность природы, окружающей селение, огорчила меня, и я вспомнил недавнее темпераментное выступление агронома Абакарова на одном из совещаний в Махачкале. Он с гордостью называл там имя кукурузовода Исы Ханмурзаева из Параула, вырастившего 87 центнеров зерна кукурузы на одном гектаре земли. Признаюсь,

усомнился я в словах агронома, когда перед взором предстала небогатая картина окрестностей Параула. «Как можно на этих землях вырастить 87 центнеров кукурузы?!» — подумал я. Но это была моя ошибка.

...Стоял очень теплый солнечный день. Многие паразулы скинули зимние одежды, а малыши бегали в рубашках. И только старики не расставались со своими неизменными папахами, которые, как утверждают многие, зимой греют, а летом охлаждают голову.

На улице мы заметили рослого старика в сером плаще и черной каракулевой папахе. Он шел быстро, поровнявшись с нами, ответил на поклон, обогнал нас и направился к правлению колхоза.

— Интересный старик этот Иса Ханмурзаев, — сказал секретарь партийной организации Амиров.

— Это и есть Ханмурзаев?

— Да, вы слыхали про него? Неутомимый человек. Вечно живой и молодой. Всё ищет, изобретает... В прошлом году 87 центнеров зерна кукурузы получил с одного гектара. Нынче обещает вырастить по 100 центнеров на площади 10 гектаров. Звено сколотил из стариков. Говорит: пока у нас есть силы, хотим передать свой опыт молодежи.

Мы пришли в правление колхоза. Здесь старик уже горячо спорил с председателем колхоза Магомедали Изиевым. О чем могли они спорить? Ведь, как рассказывали агрономы и руководители колхоза, дела у Ханмурзаева идут хорошо: почва подготовлена к севу, удобрения внесены еще осенью, семена есть. Дождись, пока прогреется земля, и начинай сев... Но нет. Оказывается, есть свои тревоги, наболевшее, о чём стоит спорить старику.

Дело в том, что неподалеку от аула расположен добротный участок орошаемой земли, осенью распаханый и удобренный. Самый лучший, по мнению Ханмурзаева, для посева кукурузы. Эту землю правление колхоза почему-то намерено отвести под приусадебные участки колхозников.

— Я хочу хорошее дело сделать, — произнес старик. — Если хотите сто центнеров кукурузы, так давайте и землю.

— Ладно, — согласился Изиев, — придется уступить.

— Вот и хорошо, — повеселел старик.

Магомедали Изиев бросил добрый взгляд на старика, увидел, как тот радостно улыбнулся.

Из правления колхоза мы вышли вместе с Ханмурзаевым. Разговорились.

— Старуха то и дело косится на меня,— говорит Иса.— Восьмой десяток, говорит, пошел, а все не сдаешься, больше чем у всех урожай хочешь вырастить... Что ж, я виноват, если привык к труду! Не могу сидеть дома сложа руки. А к этой кукурузе у меня особая любовь. С детства. Еще покойный отец учил выращивать её на своём участке. Лопатой землю вскапывали, руками семена заделывали и то какие урожаи собирали. Ого-го! Мне смешно и обидно, когда говорят о 10—15 центнерах зерна с гектара. В прошлом году я поспорил с некоторыми своими сверстниками, доказал, что можно собирать и восемьдесят и восемьдесят семь центнеров. А вот теперь я дал слово сто центнеров собрать. И беру.

— Один?

— Зачем один, у меня есть звено. Правда, в звене все старые люди, но опытные. Гаджи Усманову уже стукнуло 75 лет. Но он не хочет отставать от меня. Куда ты, говорит, туда и я. Есть у нас в звене и женщины. К примеру, Айшат Казбекова. Шестьдесят лет ей, но за 100 центнеров кукурузы будет драться. Не отстает от мужчин. И поливать умеет, и прополку делать, и на уборке как молодая работает.

Шли мы узкими кривыми улицами. И вдруг около одной калитки Иса остановился.

— Здесь я и живу,— сказал он, открывая калитку.— Вот и семена кукурузы. Всё готово к севу.

Посреди двора на четырех столбах, покрытых будто шапками алюминиевыми тазами, стояла плетеная сапетка. Она была доверху наполнена початками кукурузы.

— Знаете, для чего эти тазы?— спросил старик.— Чтобы грызуны не могли доползти до кукурузы. Беречь надо зерно.

Потом он сказал:

— Вас, конечно, интересует, как старый Иса сумел вырастить на одном гектаре 87 центнеров кукурузы и как он думает сейчас получить 100 центнеров?

Усмехнулся. Помолчал.

— Я не агроном и не математик, учился мало. В наше время не до учения было. Вот что я вам скажу, кунак. У нас есть земля. Хорошая. Есть семена, удобрения и вода. Надо хорошо пахать землю, не весной, когда снег, а осенью, заранее, да внести много навоза. Напоить землю водой. Понятно? А когда сеешь, надо экономить землю. Расскажу вам по секрету одну свою тайну. Вероятно, агрономы меня ругать будут, а все же скажу: еще в 1949 году я решил сеять кукурузу по квадратам. Правда, мои квадраты были не 70×70 , а 40×40 . Для этого я тогда и сеялку изобрёл.

Старик обернулся и указал на сеялку, аккуратно поставленную под навес.

— Я знаю,— продолжал Иса,— агрономы ругают за такие квадраты. Механизация требует расстояния 70×70 . Это очень верно. Но ведь тогда речь шла о ручной обработке.

Много интересного рассказал старый Иса в этот день: и о том, как он поднимает зябь, и когда поливает землю, сколько раз обрабатывает посевы, сколько и когда вносит удобрений.

— А если хотите знать,— сказал Ханмурзаев,— только бесхозяйственностью, отсутствием желания трудиться можно объяснить низкие урожаи кукурузы.

Да, труд — источник высоких урожаев и хорошей жизни человека. Он создает все материальные блага, молодит человека, делает его сильным и жизнеспособным.

Это я увидел в Парауле несколько позже, во время следующей своей поездки.

Наступила вторая половина июля. Стоял жаркий полдень. Тихо и безлюдно на узких и кривых улицах Параула. Кое-где встречались голопузые детишки, прижавшиеся к теневой стороне двухэтажных домов. А на одной из улиц, около ворот большого дома, сидел глубокий старик в нижней рубашке и белых штанах. Он скинул обувь и вытирал потный лоб лохматой папашой.

Мертвая тишина стояла в Парауле, а за крайними домами, на колхозном току, дружно работали колхозники.

Мы направились в контору.

— Вам кого, Изиева? — спросил бухгалтер, единственный человек, который находился в этот день в кон-

торе.— Разве в такую пору найдете его здесь... Еще и солнце не встанет, как наш председатель объезжает поля.— Бухгалтер вышел на веранду двухэтажного дома и, приложив руку ко лбу, посмотрел вдаль.— Во-о-он там, в поле он. В овощеводческой бригаде...

Время дорого, и мы не задерживались. Отъехав несколько километров от селения, заметили впереди огромные лужи воды. Дорога была затоплена.

— Дальше нельзя ехать,— сказал шофер,— придется оставить машину и идти пешком...

Ничего не поделаешь. Мы покинули машину и только начали было шагать по мягкой, пропитанной водой земле, как из-за кустов вышел навстречу нам человек в защитного цвета фуражке и полосатой тенниске.

— Не ходите сюда,— кричал он,— испачкаетесь, я сейчас...

Это был председатель колхоза Магомедали Изиев. Худощавый и подвижной, выглядел он очень молодым, хотя ему было уже около сорока лет.

— Вы меня извините,— улыбнулся Изиев.— Видите, что получается! То мы страдали от недостатка воды, а теперь она залила не только огороды, но и дороги...

Мы стояли на земле, которая когда-то считалась безжизненной, бесплодной. Здесь не было воды для орошения, а дожди выпадали очень редко.

— Природа обидела параульцев,— сказал Изиев.— Как будто и много земли, а хорошо на ней росла только соль.

И это не могло не оказать влияния на урожайность полей, на экономику колхоза, на настроение колхозников. Много трудились параульцы. Занимались они животноводством, выращиванием колосовых и кукурузы, был у них и небольшой плодоносящий сад. Старались, соревновались с соседями, но отсутствие воды приносило много огорчений.

В 1958 году, после девяти лет разлуки с родным колхозом (Изиев работал в Манасской МТС секретарем партийной организации, три года учился в Хасавюрте на курсах председателей колхозов), Магомедали возвратился в Параул. Земляки сказали ему:

— Тебя учили, на тебя государство деньги потратило. Теперь оправдай. Применяй знания...

Долго раздумывал Изиев, с чего начать свою деятельность на посту председателя. Объехал все поля, хотя они знакомы были ему с детства. Солончаки, солончаки, солончаки... Горько вздохнул Магомедали. Собрал стариков, посоветовался с ними.

— Вода нужна, сынок, вода,— произнес Иса Ханмурзаев.— Будет вода, будет у нас и хлеб, и кукуруза, и корма для скота, и овощи, и фрукты...

«Да, нужна вода»,— подумал Изиев. Он вспомнил дни, когда не только горела земля из-за отсутствия воды, но и страдали люди, его земляки. Бывало маленькая речка Параул совсем высыхала. Тогда колхозникам приходилось за четыре километра тащиться за водой к роднику в селение Ги́ли.

— Что ж, будет и у нас вода,— уверенно заявил Изиев.

Источник, откуда можно было провести воду, находился в семи километрах. Правление колхоза созвало общее собрание.

— Согласны ли провести семикилометровый водопровод,— спросили собравшихся.

— А где возьмем трубы?

— Попытаемся найти.

Правительство республики помогло колхозу, и вскоре сотни людей дружно взялись за работу. Колхоз построил водопровод. Кроме того, создали 11 водоёмов, где собираются паводковые воды для орошения полей. Началось наступление на солончаки. Ожили безжизненные земли, появились у параульцев свои овощи, стали расширяться площади садов, кукурузы...

В тот летний день мы очутились как раз там, где волей дружного трудолюбивого коллектива на бывших солончаках в междурядьях молодого сада созревали помидоры. Неподалеку от нас девушки в разноцветных платьях собирали овощи, а бронзовые от загара юноши перетаскивали ящики, наполненные помидорами.

— Это для рабочих города Каспийска,— с гордостью произнес бригадир овощеводов Сулейман Даудов.— Посмотрите, сколько в поле помидоров. Хороший будет нынче урожай. Не менее 15 тонн с гектара.

По сияющим лицам колхозников и их вожака Изиева, по тому, как спорился труд на овощном поле и дружно деди кумыкскую народную песню, по всему

этому видно было, что вода принесла в солончаковую степь жизнь, радость, веселье, счастье.

— А кукурузу нашу вы видели? — спросил Изиев.

Я вспомнил старого Ису Ханмурзаева, его страстный рассказ о кукурузе, о людях, с любовью работающих на кукурузном поле, об обязательствах, принятых звеном.

— Поедем к Ханмурзаеву, — предложил Изиев.

Мы вернулись к машине, и «Победа» перенесла нас на противоположную сторону Параула.

На краю кукурузного поля, под навесом, сидел старик с морщинистым лицом и серо-голубыми улыбающимися глазами. Это был наш старый знакомый Иса.

— День и ночь не покидает поле, — сказал Изиев, указывая на старика. — Пока, говорит, не соберу урожай, не выполню своего обещания, не успокоюсь. ...Ведь ему сейчас тут нечего делать. Кукуруза, как говорится, поставлена на ноги.

Старик засмеялся.

— Я дал слово получить по 100 центнеров кукурузы с гектара. Мужчина слов на ветер не бросает.

— А кукуруза какая! — сказал Изиев. Вслед за стариком он пробрался в густые заросли и исчез в них. Вскоре они вернулись.

— Вот, поглядите, — радовался председатель. — Нет ни одного стебля без початка. Есть и по два.

— А по три не хотите? — спросил Ханмурзаев.

Худошавое, покрасневшее на солнце лицо Изиева озарилось улыбкой, он как сын обнял старика.

— Побольше бы таких людей, — сказал Изиев, — и мы не знали бы куда девать кукурузу!

Смущенный старик опустил голову.

— Кукурузу любить надо, — прошептал он, окидывая взглядом колыхающиеся на ветру высокие стебли.

Его просветлевшее лицо, его по-юношески веселые глаза говорили, что этот человек гордится своим трудом, что он счастлив и несмотря на свои преклонные годы не намерен оставлять работу на колхозной земле.

Шахаза

В нескольких километрах от Параула, среди невысоких холмов, расположился небольшой поселок

колхозных животноводов с новыми многоквартирными домами и стандартными хозяйственными строениями. Весной сюда долетела весть о том, что доярки И. Родина и Л. Денисова из Серпуховского района Московской области, выступив с патриотическим начинанием, взяли шефство над отстающими, передают им свой опыт и решили не считать свои обязательства выполненными, пока не справятся со своими обязательствами их подшефные. Обсудить этот замечательный почин серпуховчан собрались параульские доярки в своём новом, пахнущем еще сырыми досками миниатюрном клубе, оклеенном разноцветными плакатами и картинами. Вместе с доярками сюда пришли Амиров (секретарь партийной организации), Изиев (председатель колхоза), Алиев (заведующий фермой), пастухи, ветеринарные работники...

— Вот жаль, что нет Шахазы,— воскликнул Амиров.
— Самой лучшей доярки нет!

По рядам, где сидели девушки, прошел шепот. А молодая миловидная доярка Умукусум Балашова, посмотрев на Амирова, проговорила:

— Шахаза здесь, на ферме...

— Но она не работает,— покосился на доярку заведующий фермой Алиев.

В маленьком зале поднялся шумок. Что же произошло? Почему зашумели люди?

В колхозе «Ленин ёлу» за последнее время выдвинулась своим трудом и завоевала славу комсомолка Шахаза Арсланадиева. По 4387 литров молока от коровы надоила она в 1960 году. В начале 1961 года, когда в Ростове созывалось совещание передовиков сельского хозяйства, параульцы с песнями провожали Шахазу в Ростов. Впервые довелось молодой доярке принять участие в таком большом собрании. С волнением слушала она пламенную речь главы Советского правительства Никиты Сергеевича Хрущева.

О многом думала Шахаза, возвращаясь домой: и о повышении надоев молока, и о снижении себестоимости его, и о передаче своего опыта отстающим дояркам... Работать, дерзать, идти вперед!.. И вдруг, возвратившись с совещания, Шахаза не появлялась на ферме. Что же произошло?

— У нее мать тяжело заболела,— сказал Алиев.— Говорят, некому за больной ухаживать...

В зале кто-то хихикнул. Все оглянулись. Тишина. В это время открылась дверь, и в клуб вошла небольшого роста плотная девушка в белом шелковом платке. Я невольно прочитал удивление на лицах присутствовавших здесь людей.

— Шахаза! — одновременно раздалось несколько голосов.

— Здравствуйте! — сказала Шахаза и покраснела.

— А мы думали, ты не явишься, — обрадовался Изиев. — Значит, выходишь на работу?

Шахаза не ответила. Она опустила глаза и еще больше покраснела.

— На работу я выйду, разве я оставлю ферму? — тихо прошептала девушка. — Но...

Оказалось, что дело вовсе не в болезни матери. Она приболела, поправилась, и Шахаза давно уже могла выйти на работу. А не вышла она вот почему. Давно приглянулась Шахаза колхозному трактористу, молодому чернобровому Абусултану, долго вынашивал юноша своё решение сделать Шахазе предложение, но никак не выпадало удобного случая. Абусултан со всеми земляками провожал девушку на совещание в Ростов, больше всех волновался и с нетерпением ждал ее возвращения. Какова же была радость тракториста, когда в один из февральских вечеров он встретился лицом к лицу с любимой.

Они долго стояли молча, но понимали друг друга. Наконец, Абусултан сказал:

— Ну, ты согласна?

Шахаза молчала, краснела и это значило, что она согласна. Согласились и родители. Договорились о свадьбе. Стали готовиться. И вдруг одна фраза Абусултана огорчила Шахазу.

— Скоро ты простишься с коровами своими,— сказал он.

— Почему? — удивилась Шахаза.

— Не знаешь,— усмехнулся юноша.— Ведь мы будем жить в Парауле, а ферма во-он где. Не будешь же ты вставать в три часа утра и тащиться за семь километров туда?

— Зачем таскаться? Можно и там жить.

— Какая ты смешная... Что я буду на ферме делать? Ведь я же тракторист...

Дошел этот разговор до обитателей поселка животноводов, и решили они, что Шахаза больше не придет на ферму. Но, к удивлению многих, Шахаза пришла.

Она внимательно слушала Изиева, рассказывавшего о почине серпуховских доярок. Посмотрев на Шахазу, Изиев спросил:

— Не найдутся ли у нас товарищи, поддерживающие почин серпуховчан?

Шахаза застенчиво взглянула на председателя собрания и робко подняла руку.

— Говори, Шахаза, говори. Слово имеет Шахаза Арсланалиева.

Она молча окинула сидевших рядом доярок, и ее взгляд задержался на худенькой девушке, которая всё время сидела молча. Это была Муминат Акаимова.

— Муминат обязалась надоить в этом году,— сказала Шахаза,— по 2 600 литров от коровы. За два месяца двадцать дней получила она по 410 литров от коровы. Этого мало. Ведь получили же другие доярки по 650—775 литров. Я считаю, что и Муминат может получать большие удои. Только ей надо помочь. Я беру шефство над Акаимовой, помогу ей до конца года получить не меньше 4 000 литров.

В это время поднялась Акаимова и застенчиво проговорила:

— Постараюсь я. А за помощь спасибо!

Потом взяла слово Умукусум Балашова. Она выросла здесь, на ферме. Её отец, Магомедшапи, издавна работает пастухом. Он и сегодня тут, на собрании, горячо выступал при обсуждении почина серпуховчан. Когда дочь заявила, что она берется помочь доярке Меседу Бийсултановой достичь таких же показателей, каких добилась сама, отец с гордостью встал и заявил:

— Я одобряю поступок дочери. Это хорошее дело помогать товарищам по работе. Ведь у нас общая цель, общая задача. Я и сам помогу им чем могу.

— А что скажет Тайгибат? — спросил кто-то из стариков.

Все посмотрели на молодую доярку Тайгибат Исагаджиеву. Она встала, окинула внимательным взором собравшихся, потом улыбнулась женщине с грудным

ребенком, которая сидела на соседней скамейке. Это была Рукият Каитбекова.

— Я буду передавать свой опыт Рукият и помогать ей,— заявила Исагаджиева.

Коллектив фермы горячо одобрил инициативу передовых доярок.

Кончилось собрание, а многие еще продолжали делиться своими впечатлениями. По-отечески, тепло поздравил Шахазу Арсланалиеву заведующий фермой Алиев.

— Я очень рад за тебя,— сказал он,— ты наш маяк, наша звезда. И надо, чтобы твой свет всегда озарял нашу ферму.

И он лукаво улыбнулся. А Шахаза застенчиво опустила голову. Что имел в виду заведующий фермой?

— Мы тебя от всего сердца поздравляем,— сказал Алиев Шахазе.— Мы тебе сыграем самую лучшую свадьбу. Но мы не хотим с тобой расставаться.

Зарумянились как хаджалмахинские яблоки круглые девичьи щеки.

— Нет, я не покину ферму,— сказала Шахаза.

Потом в разговор вмешался председатель колхоза.

— Мы перетянем на ферму и жениха,— сказал он,— дадим ему работу по специальности, оборудуем отдельную квартиру молодоженам.

На следующий день Изиев встретился с трактористом в поле.

— Молодец, неплохо пашешь, Абусултан,— похвалил председатель.

Абусултан остановил машину и рукавом вытер вспотевший лоб. Он поднял на Изиева глаза и мягко улыбнулся.

— Только вот что, молодой человек,— сказал Изиев.— Ты не смей гасить наш колхозный маяк!..

Абусултан хотел спросить, о каком маяке говорит председатель, но Изиев продолжал:

— Мы всем колхозом сыграем свадьбу, создадим вам все условия для семейной жизни, только не отрывай Шахазу от работы. Ведь она ведущая доярка колхоза. Ты понимаешь?

Всё стало понятно трактористу.

— Но как мы будем жить врозь? — не глядя на председателя, спросил Абусултан.

— Будете жить вместе. Своим трактором будешь обслуживать молочнотоварную ферму.

Вскоре в Парауле была сыграна свадьба, и правление колхоза выделило молодоженам квартиру в посёлке животноводов.

Прошли недели, месяцы. В середине июля в клубе животноводов снова собрались работники фермы. Поговорили они о результатах работы за полгода, отметили, что Шахаза, продолжая нести вперед знамя соревнования, надоила за полгода по 1713 литров молока от коровы. В то же время она шефствует над отстающими, передает им свой опыт.

Потом, когда доярки расходились по домам, Изиев спросил Шахазу:

— А как Абусултан? Хорошо живете? Не ссоритесь? Шахаза горько усмехнулась:

— Хорошо живем... Не ссоримся... Как же мы можем ссориться, когда редко видим друг друга. Говорят, чем дальше от тебя друг, тем слаще кажется...

Изиев прикусил губы. Он вспомнил о своём обещании не только отвести молодоженам отдельную квартиру, но и устроить Абусултана при ферме. Он вспомнил слова старика Исы Ханмурзаева о том, что мужчина должен быть верен своему слову. «Некрасиво получается»,— подумал Изиев.

— Ты прости меня, Шахаза,— извинился председатель колхоза.— Запарился я за последнее время. Много дел. Но это, конечно, не оправдание. Скоро Абусултан будет работать рядом с тобой...

Распроставшись со своими старыми знакомыми, я уезжал из Параула. Меня провожал Изиев.

— Давайте заедем в сад,— сказал он.— Посмотрите, какие яблоки у нас растут.

Это для меня было новостью.

— Разве у вас есть плодоносящий сад?

Изиев громко рассмеялся.

— Вы думали у нас одни солончаки?!

Параульцы гордятся своими садами. Они вырастили их только после организации колхоза.

— Садоводством мы начали заниматься в тридцатых годах,— рассказывал Изиев.— На площади 30 гектаров орошаемой земли были посажены яблони. Эти тридцать гектаров пока и дают нам урожай. А с будущего года

в плодоношение вступят новые площади. Ведь у нас теперь 352 гектара садов. А думаем довести их до 600 гектаров.

Что позволило колхозу расширить площади под садами? Опять-таки вода, усилия колхозников, обводнивших солончаковые земли.

— Приезжайте к нам еще. Я вас познакомлю с маяками садоводства,— пригласил Изиев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Переселенцы		3
Зашумят сады черешневые		44
Искатель		52
Гюльбоор		69
Параульские маяки		77

БАХШИЕВ МИХАИЛ ЮСУПОВИЧ

ЗАШУМЯТ САДЫ

Редактор Е. С к а з и н
Художник А. Ш а р ы п о в
Художествен. редактор В. К у л и ш
Техн. редактор М. Х а н у к а е в
Корректор А. Щ е р б а к о в а

Сдано в набор 24/VII-1962 г. Подписано в печать 26/X-1962 г.
Форм. бумаги 84 x 108¹/₃₂. Бум. л. 1,4375. Печ. л. 2,875. Усл. печ. л. 4,715.
Уч.-изд. л. 4,49. Тираж 5000. Цена 14 к. С01167.

Дагестанское книжное издательство Министерства культуры ДАССР,
Махачкала, ул. Маркова, 55. Зак. № 1314.

Типография им. С. М. Кирова Министерства культуры ДАССР,
Махачкала, ул. Маркова, 51.

Цена 14 коп.

МАХАЧКАЛА 1962